

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Фальшивая монета. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Я к о в л е в – часовых дел мастер, одноглазый.

П о л и н а – жена его.

Н а т а ш а – дочь от первой жены.

К л а в д и я – племянница.

Д у н я – соседка, подруга Клавдии.

Б о б о в а – торговка старыми вещами.

Е ф и м о в – муж Клавдии, агент по распространению швейных машин.

К е м с к о й – судебный следователь.

Г л и н к и н – его письмоводитель.

С т о г о в.

Л у з г и н.

И в а н о в – полицейский.

Большая комната – приёмная барского дома: её увеличили за счёт другой комнаты, выломав стену. В левом углу, где был вход с улицы, устроено небольшое помещение для магазина часов. Правее – лестница в два марша, она ведёт в антресоли, где живут Кемской и Наташа. Под лестницей – дверь в помещение Яковлевых, направо, в углу – дверь к Ефимовым, ближе к рампе дверь в кухню. В левой, скошенной вглубь стене – окно во двор. Рядом с окном – старый буфет. У правой стены – диван, но на него садятся осторожно. Всё – старое, ветхое. Эта комната служит гостиной, столовой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельём, в окне сломана рама, стёкла выбиты, на подоконнике – горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Я к о в л е в, человек лет 60-ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате – П о л и н а разбирает платье, бельё; ей лет под 30, одета в тёмное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется – строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза – видно, что она испугана, подавлена чем-то. Н а т а ш а, сидя у стола, читает газету и грызёт сухари. По лестнице с антресолей сходит К л а в д и я.

К л а в д и я. Наташа, ты бы помогла!

Н а т а ш а. Подожди, сейчас. И когда они успели написать столько!

К л а в д и я. О пожаре?

Н а т а ш а. Да. Удивляюсь.

К л а в д и я. После удивисься. Лучше помощи-ка. (Полине.) Это – куда?

П о л и н а. Это – к Наташе, пожалуйста.

Н а т а ш а (через газету). Ну, чего вы торопитесь? Всю ночь не спали, устали...

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

К л а в д и я (уходя вверх). Ты что же, за всех собралась отдохнуть?

Н а т а ш а (осматривая комнату). "Как хорошо, что это бывает не каждый день, - подумала курица, когда повар начал резать ей горло".

Я к о в л е в (из двери магазина). Полина, ты не видела, где часы из витрины, мраморные?

П о л и н а. У вас в руках видела.

Н а т а ш а (читает). "Всё яростнее разливалась огненная река, превращая труды рук людских в прах". Люблю, когда еров много...

Я к о в л е в (входя). Красноречие несчастию не подобает, тут нужно бы рыдая говорить, а они, пустобрёхи... Полина, а где ящик с гвоздями?

П о л и н а. Не знаю.

Я к о в л е в. Мало ты знаешь...

Н а т а ш а. Ну, где теперь найти этот ящик!

Я к о в л е в (вынул часы, смотрит). Тут сейчас человек должен придти... (Замаялся, сморщил лицо.)

Н а т а ш а. Человек? Возможно ли это, отец? К нам придёт человек?

Я к о в л е в. А, ну тебя! Всё шуточки... (Идёт в магазин.) Смотри актрисой будешь...

Н а т а ш а. "Аббат исчез, оставив маркизу в недоумении". (Взяв кусок хлеба, блюдо и ложку, развязывает банку с вареньем, ест. Полина, стоя на коленях, смотрит пред собою, шевеля губами.)

К л а в д и я (с верха). Наташа, ты опять насыплешь крошек в банку, а отец...

Н а т а ш а. Прoberёт мачеху. Так и надо. Многоуважаемая мать моя - вы соизволите рассердиться когда-нибудь?

П о л и н а (очнувшись). Мне пора обед готовить.

Н а т а ш а. Обед - это тривиально. Обед не будет, а будет чай с различными вкусными добавлениями, об этом позабочусь я.

П о л и н а. А если отец...

Н а т а ш а. "Здесь приказываю только я, - величественно произнесла маркиза".

П о л и н а (уходя с охапкой одежды). Ну, как хочешь.

К л а в д и я. Она как будто всё больше дичеет, а ты с ней...

Н а т а ш а. Ах, оставь! Ещё и ты будешь меня моралью набивать!

К л а в д и я. Чего ты взвилась?

Н а т а ш а. Надоело! Ходит какая-то бутылка постного масла... от неё - тоска. Чертей не удивишь кротостью. Молодая женщина, недурна, а не умеет себя поставить...

К л а в д и я. Как это - поставить?

Н а т а ш а. Так. Тоже и ты, труженица, вышла замуж за привидение какое-то...

К л а в д и я (усмехаясь). Если мне нравится...

Н а т а ш а. Ну, миленькая, вижу я, кто тебе нравится!

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru

(Полина входит торопливо, потерявшаяся, широко раскрыв глаза, за нею, в дверях, Стогов, мужчина лет за сорок, острижен ёжиком, виски седые, бритый, без усов, одет солидно. Говорит, держится спокойно, уверенно, с оттенком пренебрежения.)

К л а в д и я. Что вы, Поля?

П о л и н а (бормочет). Вот, – Наташа... я не знаю...

Н а т а ш а (прищурясь). Что такое?

П о л и н а. Вот этот господин... я сейчас спрошу... (Идёт в магазин, спотыкаясь, как слепая.)

С т о г о в (вежливо). С кем я могу говорить относительно найма квартиры?

Н а т а ш а. Какой квартиры? Мы – не сдаём...

С т о г о в. Мне сказали, что у часовщика Яковлева сдаётся флигель.

Н а т а ш а. Не слыхала, хотя прихожусь часовщику дочерью...

С т о г о в (кланяясь). Очень приятно узнать. Однако...

Н а т а ш а. Вы – погорелец?

С т о г о в. Нельзя ли видеть самого господина Яковлева?

Н а т а ш а. Можно. Он – существо видимое. Вы – приезжий?

(Полина стоит у двери в магазин, наклоня голову, как бы не смея войти туда.)

К л а в д и я. Пройдите в магазин – он там...

С т о г о в. Благодарю вас.

(Полина, уступив ему дорогу, отошла в сторону, встала, опираясь плечом о стену.)

Н а т а ш а. Вежлив. Похож на американского героя.

К л а в д и я. Как ты можешь так говорить с незнакомым?

Н а т а ш а. Ты, мачеха, чего испугалась, а?

П о л и н а (согнувшись над узлом). Я? Почему? Голова кружится...

Н а т а ш а. Нет, всё-таки?

П о л и н а (словно припоминая). Я развешиваю во дворе платье – вдруг он идёт... Я не испугалась...

Н а т а ш а. Ох, мачеха, ты скоро сама себя бояться станешь... Ну, ладно: "Оставим это для потомства, – сказала графиня, выбросив за окно изношенную туфлю". Впрочем – такой графини не было. Мачеха, иди, ставь самовар!

К л а в д и я (задумчиво, глядя на Полину). Не рано ли?

Н а т а ш а. Не смущай меня возражениями! Я буду мыть посуду и вообще – трудиться.

Я к о в л е в (из магазина). Наташа, не видала ключ от флигеля?

Н а т а ш а. Нет.

(Стогов в двери магазина. Клавдия и Наташа не видят его.)

К л а в д и я (мечтательно). Знаешь, Ната, я всё думаю о фальшивомонетчиках...

Н а т а ш а. Да? И что же?

К л а в д и я. Вот бы познакомиться с человеком, который делает золотые....

Н а т а ш а. Прекрасная мечта!

К л а в д и я. Или хоть с таким, который сбывает их...

Н а т а ш а. Превосходная идея!..

К л а в д и я (вздыхнув, с досадой). Ты всё насмехаешься. Удивительно, до чего ты несерьёзна! И как это можно: всегда, надо всем шутить?

Н а т а ш а (серьёзно). А видите ли: один грешник, просидев в аду тысячу девятьсот тринадцать лет, сказал соседу: "Здесь вовсе не так жарко, как мне говорили".

К л а в д и я. Терпеть не могу твои шуточки...

(Из магазина выходят Яковлев и Стогов.)

Я к о в л е в. Полина – ключ от флигеля! Где Полина?

(Полина из кухни быстро бежит по лестнице в антресоли. Наташа бесцеремонно разглядывает Стогова. Он тоже спокойно разглядывает всех. Клавдия всё время входит и уходит, унося вещи.)

Я к о в л е в. Очень интересно объяснили вы намерения ваши. И верное, должно быть, дело – теперь многие изобретают...

С т о г о в. Мы весьма отстали в технике против иностранцев.

Я к о в л е в. Зато в доброте души – мы впереди всех народов.

С т о г о в (усмехаясь едва заметно). Говорят, что так...

Д у н я (вбегает, – это девица лет 25-ти, жеманится, приглядываясь к Стогову, картавит). П'едставьте, всё ещё летят иск'ы. Я вынесла на те'асу батистовое платье, и вд'уг оно заго'елось, – вот какая ды'а. Я п'ибежала сказать вам...

Я к о в л е в (внушительно). Искры летят оттого, что люди роятся на пожарище.

Д у н я (удивилась). Да?

Я к о в л е в. А вы думали – отчего?

Д у н я. П'едставьте, я вовсе не думала об этом!

Н а т а ш а (уронила на пол блюдце). Ах, несчастная!

Я к о в л е в. Хозяйка, эх...

П о л и н а (с верха). Нет ключа.

Я к о в л е в. Как же это?..

К л а в д и я. Идёмте, я отопру без ключа!

Я к о в л е в (Стогову). Пожалуйте. Хаос у нас. (Ведёт его к двери в кухню. Навстречу – Ефимов, в руках его по тяжёлой связке книг, он держит их, как вёдра с водою.)

Д у н я. Ах, какой ужас был ночью, какое раззорение!

Н а т а ш а. Забыла, Дуня, нужно сказать – 'аззоение...

Д у н я. Ах, оставь! Что тебе? Ты любишь осмеивать всех, а мне нравится картавить.

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Е ф и м о в (опустил книги на пол, оттирает пот с лица). Для Натальи Ивановны стеснять людей – первое удовольствие.

Н а т а ш а. "Философия составляла любимый предмет Агафьи".

Д у н я. Это что ещё за Агафья?

Н а т а ш а. Старушка одна у Льва Толстого, в "Анне Карениной".

Е ф и м о в. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства.

Н а т а ш а. Агафьюшка, это не Толстой, а Левин.

Е ф и м о в. Всё равно. У серьёзного писателя и герои не говорят глупостей.

Д у н я. Наташа, – кто этот господин?

Н а т а ш а (отломил ручку чашки). Ещё одно несчастье!

П о л и н а (как во сне, спускается с лестницы, испуганно остановилась). Какое несчастье?

Н а т а ш а (показывая ей чашку). Как трудно трудиться, Поля!

Е ф и м о в (толкая ногой связку книг). Вот, – за швейную машину энциклопедическим словарём заплатили. И то – слава богу, – могли ничего не заплатить, а машина-то уже в ссудной кассе заложена. Да... В других странах невозможно подобное... извращение фактов, а у нас... (Огорчённо махнул рукою, взял книги, идёт к себе.)

Н а т а ш а. Ты этого бритого не встречала раньше?

П о л и н а (беспокойно). Где же? Куда я хожу? Только в церковь...

Д у н я (идёт за Ефимовым). Интересного мужчину и в церкви заметишь.

П о л и н а (ходит по комнате, дотрагиваясь до разных вещей). Ничего я не замечала. Всё это напрасно...

Н а т а ш а. Что ты ворчишь?

Б о б о в а (входит с узлом в руке. Женщина за сорок, говорит певуче, крепкая, бойкая). Здравствуйте, дорогие, на долгие года! Страхи-то, ужасты, пожарище-то каковы! Я, подобно мышке летучей, всюю ноченьку металась, не знай как! Третий разок посещает господь городок наш огненной бедой, и раз от разу всё погубительней. Растут, видно, грехи-то наши, возрастают... Не помочь ли вам в уборке-то, устали, поди-ко?

(Полина, разбирая вещи, часто поглядывает в окно на двор, прислушивается.)

Н а т а ш а. Вот именно – помоги! Умираю от усталости...

Б о б о в а. Женишка твоего видела сейчас.

Н а т а ш а (равнодушно). Где?

Б о б о в а. Сюда идёт с Кемским.

(Наташа, составив на поднос чайную посуду, несёт её в кухню.)

Б о б о в а (Полине). Нет, как ведь господь милостиво оградил вас, всего на два дома до вашего иссяк огонь...

П о л и н а (глухо). Сгореть бы и этому...

Б о б о в а. Ну, зачем же? Нас не стены держат, а глупость да робость наша. Однако неудобный домик, неудобный! Что это Наташа не уговорит крёстного отца совсем подарить ей рухлядь эту? А то – живёте вы под барским капризом: сегодня –

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
любезны, а завтра – пошли прочь! А Наташе-то продать бы дом этот, а я бы покупателя нашла.

(Глинкин входит из магазина. Красивый молодой человек 22–25 лет. Лицо нахальное. Немного выпивши или с похмелья. В кожаной куртке, охотничьих сапогах, в картузе с дворянской кокардой. В руках – портфель.)

Б о б о в а. Дворянину – почтение! Что это, какой кожаный сегодня?

Г л и н к и н. Не твоё дело. Где Яковлев?

Б о б о в а. Уж очень ты строго спрашиваешь!

Г л и н к и н (Полине). Вы что же не здороваетесь со мной?

П о л и н а. А вы со мной?

Г л и н к и н. Пардон. Я спросил: где Яковлев?

Б о б о в а. А ты кого спросил?

Г л и н к и н. Не всё равно – кого?

Б о б о в а (Полине). Это куда?

П о л и н а. Дайте мне, это наверх. (Идёт.)

Г л и н к и н (ворчит ей вслед). Копчёная селёдка. Как живёшь, Бобиха?

Б о б о в а. А как привыкла: хихоньки да хахоньки, доходишки махоньки, живу – не тужу, всем служу, а тебе – погожу. Когда долгишки-то отдашь мне?

Г л и н к и н (ходит вокруг стола). Успеешь. (Суёт пальцы в карман жилета, предполагая найти там часы. Часов нет. Он косится на карман, на пальцы, щёлкает ими. Напевает из Фауста.) "На земле весь род людской..."

Б о б о в а (улыбаясь, следя за ним). Забыл, что часики-то у меня в закладе.

Г л и н к и н. Я гадостей не люблю помнить.

Б о б о в а. Свадьба-то у вас – когда?

Г л и н к и н. Это не твоё дело. Семья – священный оазис в пустыне жизни, и никто не смеет вторгаться в недра брака. Да. Для вас, вот таких, брак – любительский спектакль, а для меня это парадное представление на сцене императорского театра. Поняла? Нет, конечно. (Осматривает стены, насвистывая.)

Н а т а ш а (вышла, приседает). Виконт!

Г л и н к и н. Здравствуйте. А где ваш отец?

Н а т а ш а. Пошёл сдавать какому-то господину квартиру во флигеле. Ну-с?

Г л и н к и н. Странно. Разве во флигеле можно жить? Куда это вы?

Н а т а ш а. За провизией к обеду.

Г л и н к и н. Полезное путешествие. Водки купить не забудьте.

Н а т а ш а. Виконт – я знаю ваши вкусы...

С т о г о в (входит). Человек должен иметь хозяина...

Я к о в л е в (идя за ним, весело). И надо всеми – господь! Приятно слышать такие речи в наше время всяческого буйства. Очень приятно... Теперь позвольте вас познакомить с моими: дочь – Наталья.

С т о г о в (кланяется, не подавая руки). Пётр Васильевич Стогов.

(Наташа комически важно приседает.)

Г л и н к и н (тоже важно). Тихон Степанов Глинкин, юрист.

Н а т а ш а. Из пятого класса реального училища.

Г л и н к и н (окинув её сердитым взглядом). Личный секретарь судебного следователя Кемского.

(Стогов серьёзно кланяется, но в глазах усмешка.)

Н а т а ш а. То есть – писарь.

Я к о в л е в. А эта – торгует старинными вещами.

Б о б о в а. Продаю, покупаю, распрекрасную невесту сосватать могу.

С т о г о в. Выгодно старинными вещами торговать?

Г л и н к и н. Ерунда! Обман! Она сама выдумывает эти вещи...

Б о б о в а. Вещь, сударь мой, нельзя выдумать, её надо сделать. И без обману нельзя. Все любят обмануты быть, лишь бы хорошо обманули.

Я к о в л е в. А вот – жена...

(Полина прячет руки за спину, отступив.)

С т о г о в (кланяется ей). Так вы позвольте мне смерить там, – нет ли у вас рулетки или аршина?

Я к о в л е в. Полина...

П о л и н а (села на стул). Нет.

Я к о в л е в. Как – нет?

Н а т а ш а. Аршин у меня в комнате. (Полина не двигается.)

Я к о в л е в. Ты слышишь?

Н а т а ш а (идёт). Я принесу.

Я к о в л е в (жене). Ты – что?

П о л и н а (тихо). Устала...

Я к о в л е в. Ну... все устали!..

Н а т а ш а (подавая аршин). Извольте.

С т о г о в (кланяясь). Благодарю.

Я к о в л е в. Может – помочь вам, а?

С т о г о в. Нет, не беспокойтесь, я сам... (Ушёл.)

Я к о в л е в. Ну, – похоже, что хороший постоялец, видимо – со средствами. Вот я забочусь обо всех, как лучше, покойнее, а вы...

Н а т а ш а. "Аббат, мы это слышали". (Идёт в магазин.)

Я к о в л е в (жене). А ты чего сидишь вороной? Убирай дом скорее.

(Полина встаёт.)

Г л и н к и н (иронически). Ха-арошенькое обращение с женщиной!

Я к о в л е в. Вы, Тихон... эх, грешить не люблю! (Уходит в магазин, сердито ворча.)

Г л и н к и н (осматривая стены). Ни одного зеркала – нельзя даже понять, существуешь ты или нет? (Идёт наверх.)

Б о б о в а (когда Глинкин скрылся). Экой бездельник, экой прохвост, а? А ты, Палагея Петровна, нехороша сегодня, – что это ты?

П о л и н а (идёт в кухню). Где же Клавдия?..

Б о б о в а. А она за нафталином побежала. (Подходит к окну, делает знаки, оглядывается.) Тсс... тсс...

С т о г о в (в окне). Ну, что?

Б о б о в а. Ладно ли дело-то?

С т о г о в. Квартиру снял. Что это за дурак, зять этот?

Б о б о в а (складывая пальцы в кулак). Так, щеночек, он у меня в горсти.

С т о г о в. Никого нет?

Б о б о в а. Позвать её, что ли?

С т о г о в (скрываясь). Да, скорее.

(Бобова идёт в кухню, по дороге заглянув в магазин; Стогов является из двери со двора, почти в ту же минуту из кухни вышла Полина, смотрит на него со страхом, он усмехается.)

П о л и н а (тихо, испуганно). Зачем вы пришли? Зачем?

С т о г о в (говорит тихо, с лёгкой усмешкой, трудно понять – серьёзно или шутя). Я вчера, на улице, и тогда, в церкви, сказал, что не отстану, найду, – вот и нашёл.

П о л и н а. Прошу вас – уйдите!

С т о г о в (усмехаясь). Не надо притворяться, Поля!

П о л и н а. Что вам нужно от меня? Кто вы для меня?

С т о г о в (всё так же, с усмешкой). Судьба, хозяин твой, влюблённый человек...

П о л и н а. Я вас не знаю, я не хочу...

С т о г о в. Я – твоя судьба, ты – моя. (Подходит ближе к ней, говорит негромко.) Оказалось, что у меня есть что-то похожее на совесть, Поля.

П о л и н а. Нет!

С т о г о в. Есть что-то... Может быть, это – от бессонницы, может быть – от скуки. Одним словом – ты мне нужна, и я пришёл за тобой...

П о л и н а. Нет! Не смеешь... не можешь ты! Ты! Из-за тебя я сидела в тюрьме, меня судили, позорили... из-за тебя!

С т о г о в. Но ведь тебя оправдали.

П о л и н а. Молчи!

С т о г о в. О том, что всем известно? Зачем же? Я знаю, что ребёнок родился мёртвым, проклятая бабка сказала мне. Но, – она не вовремя умерла, а я, как тебе известно... впрочем, я не оправдываюсь.

П о л и н а. Зачем ты пришёл? Зачем?

С т о г о в. Я сказал – за тобой.

П о л и н а. У меня – муж. Он пожалел меня тогда ли – на суде...

С т о г о в. Иной раз пожалуйть выгодно.

П о л и н а. Третий год я живу...

С т о г о в. Живёшь? Разве?

П о л и н а. Не смей!

С т о г о в. Ну, перестань!

П о л и н а. Христом богом прошу – уйди!.. Не могу я. – ничего не могу...

С т о г о в (хмурясь, спокойно). Чему быть, того не миновать...

П о л и н а (прислонясь к двери). Кто ты такой?

С т о г о в (серьёзно). Полина, я смотрел, как ты молилась в церкви, не один раз смотрел. В твои годы так молятся, когда хотят согрешить, но боятся. Я, знаешь, даже испугался за тебя. Пойми – это верно! Испугался!

П о л и н а. Врёшь! Ты врёшь... Ну, если ты добрый человек – уйди же! Я прошу.

С т о г о в (усмехаясь). Грешница ты – в мыслях, и – я ведь знаю очень любишь грех, очень ждёшь его.

П о л и н а. Нет. Неправда! Не хочу!

С т о г о в. Брось – меня не обманешь. (Почти с восхищением.) Ты очень сильная женщина, Поля, ты – настоящая. Как ты согнула себя, ты, такая гордая, а? Я не узнаю тебя... Удивительно это! Но то, что ты считаешь грехом – не грех, а – обязанность, это – твой долг. Пойми! Раньше ты ведь знала, что это твой долг и радость твоя, – знала! Это в тебе не могли убить, не притворяться. (Громко и деловито.) Так вот, хозяйка: сейчас же я пришлю плотника. (Шепчет ей.) Отвечай мне, ну!

П о л и н а. Хорошо. Да. Прощайте.

(Из двери магазина идёт кемской, человек лет 60-ти, весь неприбранный, одичавший, с неподвижной гримасой на лице. Одет в парусиновый балахон-пыльник, на голове – выцветшая судейская фуражка, в руках – пара уток.)

К е м с к о й. Кто такое, а?

С т о г о в. Постоялец. Снял флигель.

К е м с к о й. А... Семейный?

С т о г о в. Одинок.

К е м с к о й. Почему?

С т о г о в. Холостому удобней.

К е м с к о й. Гм... Может быть. Полина – Тихон здесь?

П о л и н а (очнувшись). Да.

К е м с к о й. Бросил меня, ушёл. Я говорю: возьми Наташе уток, а он ушёл! Вот утки, Наташе. Да. (Сел к столу. К Стогову.) Вы – квартиру сняли? Гм... Чем занимаетесь?

С т о г о в (не спеша, двигаясь к двери магазина). Изобретаю новый сплав.

К е м с к о й. Сплав леса?

С т о г о в. Металлов.

К е м с к о й. Не понимаю!

С т о г о в. До свидания. (Ушёл.)

К е м с к о й. Полина, – как это он тут?

П о л и н а (тихо). Не знаю, не знаю...

К е м с к о й (сердится). Что это ходят тут всё, эти, разные... Тут Наташа, и вдруг... Какой-то слесарь... Наташа испугалась пожара?

П о л и н а. Не дитя она.

К е м с к о й. Приготовь ей уток, жарь... Помоги мне снять это.

Б о б о в а (идёт из кухни). Я помогу, ты уж иди, стряпай, Палагея Петровна.

К е м с к о й. Ага, лиса, ты здесь, а?

Б о б о в а. Несчастье всех в одну кучу кладёт, миротворец ты наш.

К е м с к о й. Погорела, а?

Б о б о в а. Нет, господь миловал.

К е м с к о й. Какое же у тебя несчастье? Не понимаю. Ты сама несчастье. (Доволен словом, смеётся.) Вот именно, – ты сама – несчастье, а?

Б о б о в а. Ну, что это вы говорите, добрячок такой! Я ко всем с добром, а вы меня – колом. А обещаньице-то своё не исполнили?

К е м с к о й. Какое?

Б о б о в а. Подсвечники-то обещали продать мне.

К е м с к о й (отмахиваясь). Пошла, пошла! Подсвечники! Это канделябры, да. Это – редкость...

Б о б о в а. И часики каминные обещали...

К е м с к о й (строго). Иди прочь!

(Бобова отошла в угол, тихо роется там, разбирая вещи. Её почти не видно.)

Я к о в л е в (входит). Здравствуйте...

К е м с к о й. Здравствуй, да... Вот что, брат-кум, тут-а... эти у тебя, постояльцы всё какие-то! Это, брат, мне не нравится...

Я к о в л е в (разводя руками). Как же быть? Ведь и мне без людей лучше, да бедность понуждает...

К е м с к о й. Подожди. Я дал дом Наташе, а ты устраиваешь тут постоянный двор какой-то. Нахлебники, постояльцы – это я плохо понимаю. Всё-таки это – мой дом! Да. Я прихожу, – вдруг – какой-то человек... Потом – этот Ефимов... Надо, брат, быть деликатным.

Я к о в л е в (волнуясь). Однако же войдите в положение! Улица глухая, не торговая, магазин работает плохо. На старом месте, на юру, было лучше, а здесь – я потерял, – кто сюда пойдёт?

К е м с к о й. Ну, это – я не знаю. Я сделал, что мог: пристроил тебе лавочку, испортил фасад дома, и так далее... Но – постоянный двор я осуждаю. Ефимов и все

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru
это – мне не нравится. Я, брат, старик...

Яковлев (глухо, нервно шевеля пальцами). Я тоже не молоденький.

Кемской. Ну, да! Я пойду к себе, скажи, чтобы мне дали мыться.

Яковлев (глядя в дверь магазина). Иванов идёт.

Кемской (с лестницы). К письмоводителю.

Яковлев (грозит вслед ему кулаком, Бобовой). Слышала, а? Каково?

Бобова. Что уж тут! Эхе-хе...

Яковлев (идя в кухню). Да, вот и живи... Иди, неси ему воду-то...

Бобова. Ладно, сейчас.

Иванов (околодочный, весёлый, бойкий франт). Эй, Бобиха, погоди!

Бобова (у двери кухни, подмигивая на лестницу). Шш...

Иванов. А что?

Бобова. Кемской.

Иванов. Ты что тут делаешь?

Бобова. Помогаю в уборке.

Иванов. Куда это нахлебник твой выехал?

Бобова. А – дай бог память...

Иванов. В Сморгонь?

Бобова. Что ты, милый, такого места и нет на земле!

Иванов. Ну, я лучше тебя знаю, что есть и чего нет! А скоро я тебя поймаю, милая дама!

Бобова. Ах, гонитель ты мой, Нерон жестокой, – и за что ты меняймаешь?

Иванов. А – за шиворот. Не держи воров, не скупай краденого.

Бобова. Да я всё покупаю, слона приведут, так я и слона.

Иванов. Ладно. Точи зубы-то. Слушай, – на-ко вот, пересунь. (Подает ей записку.) Понимаешь, кому?

Бобова. Ну, Клавдии...

Иванов. Шш! Не Клавдии, а Дуне.

Бобова. Уж и в эту сторону метнуло?..

Иванов. Если ты мне это дело наладишь...

Кемской (с верха). Что же воды?

Бобова (бежит). Сейчас, родимый.

Иванов. Найди мне письмоводителя. (Подожёл к окну, вынул из кармана письмо, улыбаясь, читает. Из двери на него смотрит Ефимов. Из комнаты Наташи вышел Глинкин, увидав околодочного – сморщился, хочет уйти обратно. Иванов, обернувшись, прячет письмо.) Примите два пакета.

Глинкин (подожёл, взял пакеты, взвесил на руке). Это что?

И в а н о в. Не знаю. Моё дело – сдать, ваше – принять да расписаться.

Г л и н к и н. Прошу не указывать мне моих обязанностей.

И в а н о в. Ах, извините!

Г л и н к и н. Да-с. (Расписываясь в книге.) Можете идти.

И в а н о в. Благодарю за разрешение.

Г л и н к и н. Что-с?

И в а н о в. Скоро и вам лично повесточку вручу.

Г л и н к и н. Опять? За что?

И в а н о в. Буйство в общественном месте.

Г л и н к и н. Это – не буйство, а протест против засилия инородцев!

И в а н о в (даже удивился). Это – Кознов, Иван Лукич, – инородец?

Г л и н к и н. Я лучше вас знаю, кто – кто!

И в а н о в. Проницательный вы человек!

Е ф и м о в (входит. Рука подвязана). Н-ну, я думал, обед готов, а тут ещё – Содом и Гоморра...

И в а н о в. Что это?

Е ф и м о в. Порезал.

И в а н о в (Ефимову). Вечером – в "Порт-Артуре"?

Е ф и м о в (показывая руку). Какой же я игрок?

И в а н о в. До свидания, благороднейший господин Глинкин. (Ефимову.) Ну, до вечера, скучный господин.

Е ф и м о в (вздыхая). Трудно быть весёлым, имея фамилию – Ефимов.

И в а н о в. А я вот Иванов, однако – не скучаю. Нисколько даже.

(Глинкин пожимает плечами.)

Н а т а ш а (с покупками, в дверях магазина). Здравствуйте, Пинкертон!

И в а н о в (щёлкая каблуками). Позвольте помочь?

Н а т а ш а. Не трудитесь. У нас домашних кавалеров в избытке заквашено. Вы с чем?

И в а н о в. С бумагами. А сейчас – к соседу вашему. До свидания!

Г л и н к и н. Удивляюсь, как вы можете фамильярничать с этим...

Н а т а ш а. Ах, в моих жилах течёт рыжая, плебейская кровь. Крёстный здесь? (Идёт наверх.) Скажите Поле, что можно накрывать стол.

Г л и н к и н. Ефимов, ступайте, скажите.

Е ф и м о в (обиженно). Вы, сударь мой, тише командуйте! Я человек неожиданный, никто не знает, на что я способен.

Г л и н к и н. Я не командую... Скучно, чёрт возьми! Вот и пожар был, а скучно...

Е ф и м о в (миролюбиво и уныло). Вам жаловаться не на что. У вас всё-таки фамилия оригинальная: Глинкин. Глинку напоминает, оперу "Жизнь за царя". А вот, если Ефимов, так уж это безнадежно...

Г л и н к и н (с достоинством). Глинкин – это руссофизм, – понимаете? Моя фамилия – де Глинкэн, мой дед был француз, дворянин. А Глинкин – это переделка на русский лад, руссофизм... то есть руссизм...

Е ф и м о в (вздыхнув). Хотя бы и так – всё-таки хорошо. Но – уж если Ефимов, так что же? Вы можете представить себе – монумент Е ф и м о в у? Если поставить такой монумент на площади – так по ней никто ходить не будет...

Г л и н к и н. Возможно – не будут! фигура у вас...

Е ф и м о в. Тут не в фигуре суть. Многие люди не обладали фигурой, а монументы им всё-таки поставлены.

Г л и н к и н. Впрочем, я не совсем понимаю вашу идею...

Е ф и м о в (задумчиво). Идея – простая. Все великие люди носили соответственные фамилии: Аристотель, Эмиль Золя, Степан Разин. А если сказать: великий человек – Ефимов – никто этому не поверит...

Б о б о в а (идёт из кухни). Наташа пришла?

Г л и н к и н (кивая на пакеты). Видишь...

Е ф и м о в. Бобиха, – жену мою не видала?

Б о б о в а (ставит стулья к столу). А вон, поглядите, на дворе-то... То есть до чего благочестивец наш, боголиз, кривой, Палагею заел – даже глядеть обидно!

Е ф и м о в (у окна). С кем это она там?

Б о б о в а. Только и твердит: я тебя с земли поднял, я тебя из грязи вынул!

Г л и н к и н. Это мне не интересно...

Б о б о в а. Эка важность – поднял! Эдакую-то бабочку, да не поднять! Всяк бы поднял, да снова положил, дело – дешёвое, а удовольствие большое, да!

(Ефимов быстро идёт в кухню.)

Г л и н к и н (Бобовой, тихо). Ревнив, чёрт!

Б о б о в а. Без ревности любовь – как без соли хлеб.

Г л и н к и н (идя за Ефимовым). Бобиха, скажи, чтоб скорее собирали обедать!

Б о б о в а (про себя). Поспеешь, дроздова голова!

П о л и н а (с тарелками). Господи, как тут всё нехорошо...

Б о б о в а. Кому прибрать? У вас все – बारे.

П о л и н а (развёртывая пакеты). Ты в судьбу веришь?

Б о б о в а. А как же?

П о л и н а. И в бога веришь?

Б о б о в а. И в бога. Что это ты, матушка, спрашиваешь как?

П о л и н а. А кто сильнее: судьба или бог?

Б о б о в а. Ну, уж этого я не знаю... Уж чего не знаю – так не знаю... Этого, поди-ка, и боголюбивый муженёк твой не знает, одноглазый чёрт! Ох, Поля, Поля,

тяжела твоя доля...

П о л и н а. Значит – заслужила такую.

Б о б о в а. А ты – полно! Согрешив на грош, на рубль каешься... Ой, ой, утки-то, утки... (Бежит в кухню, в двери сталкивается с Яковлевым.)

Я к о в л е в. Что ты, – слепая?

Б о б о в а. Ох, прости...

Я к о в л е в. Демоны... (Идёт в магазин.)

П о л и н а. Подожди минуту.

Я к о в л е в. Чего такое?

П о л и н а. Напрасно ты сдал флигель.

Я к о в л е в (приостановясь). Это – твоё дело?

П о л и н а (твёрдо). Моё!

Я к о в л е в (удивлён). Чего?

П о л и н а. Это человек нехороший.

Я к о в л е в. А тебе какое дело, а?

П о л и н а (волнуясь). Ты – добрый... ты поймёшь, ведь я – молчу! Я всегда молчу! Ведь уж если я говорю – значит...

Я к о в л е в (строго). Значит – я с тобой должен серьёзно поговорить! Я и поговорю! (Быстро идёт в магазин.)

П о л и н а (оглядывается вокруг, почти с ужасом, шепчет). Ах... ну, хорошо... ну – всё равно...

К л а в д и я (вбегает со двора, встревожена). Поля, милая! Мой-то накрыл было меня с Ивановым, – слушай-ка, сходи к Дуне – пусть она скажет, что я с ней говорила через забор, – сбегай, милая... Что ты какая? Дурно, что ли, – что ты?..

П о л и н а (как в бреду). Клава, ну – скажи правду: ведь меня можно пожалеть, выслушать? Ведь я всё молчу, я уже третий год молчу, вся живу, спрятавшись в сердце своём, – вся в своём сердце...

К л а в д и я (беспокойно). Поля, что ты говоришь? Нездоровится тебе?

П о л и н а (тихо, горячо). Подожди, – ну, хорошо: если даже я грешница, если я тяжело согрешила...

К л а в д и я. Э, что вспомнила...

П о л и н а. Нет, подожди! За грех мой – меня напугали, меня мучили, господи, как мучили... А в чём я грешна? Разве несчастье – грех? Ведь я же не собака, ведь меня нельзя звать, как собаку, – свистнул кто-то, и я должна бежать к нему, если он свистнул мне, – ведь я же человек, я...

К л а в д и я (оглядываясь). Ах, да послала бы ты к чёрту своего кривого! Что мне делать? Сейчас придёт мой, – Полинька, сбегай к Дуне-то! Скорей...

П о л и н а. Зачем?

К л а в д и я. Ах, боже мой, ты ничего не можешь понять...

П о л и н а. Не могу.

Фальшивая монета. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Е ф и м о в (идёт из магазина, тягуче говорит). А вы, сударыня, опять начали беседы ваши сквозь забор?

К л а в д и я. А тебе опять мерещится?

Е ф и м о в. Ты с кем говорила?

П о л и н а (прибирая на столе, машинально говорит). С Дуней говорила она...

Е ф и м о в (смотрит на неё). Я спрошу Дуню!

К л а в д и я. Спроси.

(Полина вдруг тихонько засмеялась.)

Е ф и м о в. Это над чем же вы?

П о л и н а (почти со слезами, тоскливо). Над собой, право - над собой.

Е ф и м о в. Что же такое смешное в себе нашли вы? Не вижу я ничего весёлого!

К л а в д и я. При тебе и с горя засмеёшься.

Б о б о в а (зовёт из кухни). Поля, Клава...

(Обе ушли. Глинкин сносит с верха зеркало, в позолоченной старой раме, ставит на пол у лестницы.)

Е ф и м о в (рассматривая себя, вздыхает). Дрянь зеркало.

Г л и н к и н (поправляя галстук). Для местного населения вполне годится.

Е ф и м о в. Дрянь. Человеку надо видеть себя в сиянии всех качеств, а тут - пятно.

Г л и н к и н. Ты и есть пятно. Клякса на странице истории культуры.

Е ф и м о в (отходя). Любишь ты критические слова. А по-моему, критик - просто человек дурного характера.

Г л и н к и н (идёт в магазин). Много ты понимаешь.

Е ф и м о в. А кто же повесит зеркало? (Ворчит.) История... На кой чёрт она мне, история! Дурак...

(Ефимов, нахмурясь грозно, смотрит вслед ему, потом берёт со стола ножницы и наносит ими колющие удары и воздух. В двери магазина стоит Лузгин, чисто и скромно одетый человек лет за сорок, в котелке, сдвинутом на затылок, с портфелем подмышкой. Стоит, склонив голову на плечо, и смотрит на Ефимова с улыбкой. У него лицо и взгляд человека ненормального.)

Е ф и м о в (наносит удары, бормочет). А - вот... и вот!.. И напишут в газетах, а ты не прочитаешь...

Л у з г и н (шагнув в комнату). Гимнастика? (Делает правой рукой, с котелком в ней, нелепейшее движение.) Здравствуйте! Часовых дел мастер?

Е ф и м о в (сердито). Нет ещё.

Л у з г и н. Я хотел бы часы починить.

Е ф и м о в. Чините.

Л у з г и н. То есть отдать их починить.

Е ф и м о в. Отдайте.

Л у з г и н. А - кому?

Е ф и м о в. Хоть трубочисту, мне всё равно... (Лузгин идёт к нему, тихонько посмеиваясь и немного подпрыгивая. Он так забавен, что Ефимов, сначала отступавший от него, остановился, ухмыляясь. Лузгин смеётся громче, бросает портфель на стол. Ефимов тоже начинает смеяться.)

Е ф и м о в (сквозь смех.) Да вы – кто такой?

Л у з г и н (так же, взвизгивая). Человек... Смешно?

(Оба хохочут.)

Е ф и м о в. Ой, чёрт... Чем... чем... вы занимаетесь?

(Наташа на лестнице.)

Л у з г и н. Ищу наследников к выморочному имуществу...

Е ф и м о в (серьезнее). Чье имущество?

Л у з г и н (подмигивая). Нельзя сказать. Я скажу, а вы – вот вы – и закричите: я – наследник! И толкнёте меня на ложный путь...

(Наташа сходит с лестницы, вопросительно осматривает Лузгина, он почтительно и низко кланяется ей.)

Е ф и м о в (улыбаясь). Желает часы починить: где отец?

Н а т а ш а. Не знаю. (Лузгину.) О каком это наследстве говорите вы?

Л у з г и н (ласково). Интересно? Бо-ольшое наследство! Владелец помер, а наследники – неизвестны! Второй год ищу.

Н а т а ш а. И что же? Они здесь, в нашем городе?

Л у з г и н. Как будто... как если бы...

Н а т а ш а. Вдруг это – я, а?

Л у з г и н (кланяясь). Был бы рад... был бы очень рад!..

Н а т а ш а. Так что же? Сделайте меня наследницей, а? Вы садитесь... Сделайте – ведь вам всё равно, да?

Л у з г и н. Решительно всё равно! (Садится, посмеиваясь.)

Е ф и м о в (смеясь). Чёрт знает, что! Чудак вы...

(Клавдия входит из кухни, торопливо накрывает стол, посматривая на Лузгина. Яковлев – тоже из кухни.)

Е ф и м о в. Что ж вы уходите, не запирая магазин?

Я к о в л е в, А какой дурак зайдёт в него?

Л у з г и н (вставая). Вот я зашёл.

Я к о в л е в (смущён). Извините... Живём в таком глухом углу. Вы?..

Л у з г и н. Я бы часы починить хотел...

Я к о в л е в. Можно. Пожалуйте в магазин.

Н а т а ш а. А потом – расскажите мне о наследстве – хорошо? Большое наследство, да?

Л у з г и н. Невыносимо большое! (Идёт за Яковлевым, вглядываясь, подмигивая Наташе. Она, Ефимов и Клавдия смотрят вслед ему.)

К л а в д и я. Что это такое? Какое наследство?

Н а т а ш а. Странно... Зови крёстного обедать.

Е ф и м о в (озабоченно). Наследники могут быть... если действительно существует имущество...

К л а в д и я (взбегая, по лестнице). Неприятный какой...

(Полина из кухни, затем с верха спускается Кемской, за ним Клавдия и Глинкин.)

Н а т а ш а. Чувствую, что наследница – это я. Можете поздравлять...

Е ф и м о в. Гм... Ведь и я... человек... (Вспомнил Лузгина, смеётся.)

Л у з г и н (выбегает из магазина, схватив Ефимова под руку, тащит его к авансцене). А не заходил к вам такой... похожий на меня? Нет?

Е ф и м о в (усмехаясь). Нет.

Л у з г и н. Нет?

Занавес

СЦЕНА ВТОРАЯ

Вечер. В комнате скучно прибрано: она приняла нежилой, неуютный вид. Из открытой двери магазина слышно торопливое разнозвучное тиканье часов. Шум, – запирают дверь с улицы. Выходят из магазина – Стогов, с папиросой в зубах, Яковлев, в руке ключи, – взволнован, суетлив, оглядывается, говорит негромко.

Я к о в л е в. Никого. Никого нет. Жена с племянницей в церковь пошли, дочь с крёстным – гулять. (Стогов бесшумно ходит, молчит. Яковлев вопросительно, тревожно.) Так – как же, а?

С т о г о в (небрежно). Решайте.

Я к о в л е в. Опасное дело...

С т о г о в (так же). Опасное.

Я к о в л е в. А работа – отличная!

С т о г о в. Отличная работа.

Я к о в л е в. Дайте ещё раз взгляну.

(Стогов, не останавливаясь, бросил на стол золотую монету.)

Я к о в л е в (разглядывает монету в лупу, руки трясутся). Вот оно жёлтенькое... Имя ему – зо-ло-то. Три удара – слово. Добро и зло в нём... и счастье... а? Всё зависит от того, как взять. Ведь если подумать...

С т о г о в. Жизнь – коротка, думать не стоит.

Я к о в л е в (мечтает). Кума моего, Кемского, я бы – в шею... Зятя наречённого, навязанного им, – в шею...

С т о г о в (усмехаясь). Дочь обеспечите.

Я к о в л е в. С деньгами много добра можно сделать.

С т о г о в. Граммофон купить можно. Автомобиль... (Позёвывает.)

Я к о в л е в. Я бы дрозда певчего купил, тут один парикмахер дрозда продаёт. (Вздыхнул.) Замечательный дрозд – два года люблюсь им. Сказочная птица! (Положил монету на стол.) Да... но людей обманывать – грех.

С т о г о в (равнодушно). Дело – ваше. Я предложил, а уговаривать не стану.

Я к о в л е в. Грех...

С т о г о в. Все люди грешат, только вы хотите быть праведником. Скучно будет вам, одиноко будет.

Я к о в л е в (снова взял монету, взвешивает её на ладони. Пристально смотрит на Стогова). Н-да... Шутите вы... Непонятно вы шутите. И как это вы сразу начали говорить со мной о таком деле?

С т о г о в (остановился, спокойно). Да ведь когда-нибудь, с кем-нибудь надо же было мне начать этот разговор. Вот, я вижу – человек вы бедный, живётся вам трудно, – ну, и начал...

Я к о в л е в. И – не боитесь?

С т о г о в. Чего же?

Я к о в л е в (тихо). А вдруг я полиции объявлю?

С т о г о в. Вы? Зачем же?

Я к о в л е в. Фабрикантов этого товара здесь давно ищут.

С т о г о в. Да? (Подошёл вплоть к Яковлеву.) Что же вы скажете полиции? Свидетелей беседе нашей – нет. А золото, может быть, настоящее.

Я к о в л е в (подскачив на стуле). То есть... как? Как же это настоящее? Позвольте – зачем же тогда?... Удивляюсь я...

С т о г о в. Удивляться – занятие пустое...

Я к о в л е в. Но если монета настоящая, тогда, значит...

С т о г о в. Что же тогда?

Я к о в л е в (сел). Вы – вроде дьявола!

С т о г о в (вздыхнув, усмехаясь). Э, нет, куда мне.

Я к о в л е в. А... а вы – не агент полиции?

С т о г о в (отходя от него). С вами говорить бесполезно. (Идёт к двери в кухню.)

Я к о в л е в (тревожно). Подождите, постойте... О, господи!.. Послушайте, – ведь мне хочется правду знать! Как же дело делать, не зная правды? Правда – нужна?

(С т о г о в смотрит на него вопросительно, молчит.)

Я к о в л е в (жалобно). И... и потом: ведь если б господь не допускал греха, так люди не грешили бы? Не грешили бы, а?

С т о г о в (грубовато). Этого я не знаю. А знаю вот что: вы Кирова помните?

Я к о в л е в (испуган). Я? Позвольте! Какого? Кто это?

С т о г о в. Лицо известное. Музей в Нижнем Новгороде обворовал, старинные монеты – помните? Он у Бобовой на квартире жил, – забыли? А Бобова краденое принимает, это вы должны знать, вы же сами подделываете для неё старинные вещи.

Я к о в л е в (растерялся, испуган, усмехается, потирает руки). О-о... да, вот как? Значит, вы действительно?... Ага! Зачем же эта игра со мной? Вы бы прямо сказали... если Киров – приятель вам? Приятель. Или вы?... Вы агент? Зачем игра эта?

С т о г о в (закуривая новую папиросу). Надо испытать человека... Дело серьезное.

Я к о в л е в. Ну, что ж? Значит я – в руках у вас?

С т о г о в. И любопытно видеть, как человек, прижатый в угол, извивается, изгибается...

Я к о в л е в. Я согрешил один раз...

С т о г о в. Мне всё равно – один или одиннадцать. (Он сел к столу и, незаметно для себя, засунул локтем, монету под кружок из клеёнки, на котором стоит лампа.)

Я к о в л е в. Я на грех шёл для других, для дочери... На худое ради хорошего... Господь тоже добр... Он меня не накажет.

С т о г о в. За что же наказывать вас, если вы грешите ради других?

Я к о в л е в. Шутите вы!

С т о г о в. Нет. Я шутить не умею. (Идёт к двери в кухню.)

Я к о в л е в (за ним). Позвольте... как же мы решили? Кто же вы будете? Ведь нельзя же так... поговорили – а конца нет...

(Ушли. С лестницы идёт Глинкин, – в руках бумаги. Подошёл к столу, бросил бумаги, вынул папиросу. Бормочет: "Хамство... Хамы". Не глядя, ищет на столе спичек, нащупал монету, взял её, делает такой жест, как бы вставил монокль в глаз, развалился на стуле, вытянув ноги, осматривает монету. "Странно... Гм... Очень странно..." Прячет монету в карман. Снова вынул, улыбаясь разглядывает. "Замечательно". Из двери в кухню – Лузгин и Ефимов. Глинкин, как бы поправляя папиросу, торопливо сунул монету в рот.)

Л у з г и н (как бы поддразнивая). А дети-то, дети – тоже Ефимовы будут, – Ефимовы...

Е ф и м о в (решительно). Детей – не надо!

Л у з г и н. У-у-у – не надо?

Е ф и м о в. Если все мои предки ничем в жизни не отличились, не могли себя поставить заметно и меня сделали, так сказать, невидимым, то я, человек рассуждающий, протестую против своей пустой природы и, не желая распространять её далее, обязан не родить детей.

Г л и н к и н. Вы точно прошение читаете!

Л у з г и н. Так – так – так... Не родить?

Г л и н к и н. Да, незначительные люди – лишние.

Е ф и м о в. И вообще человек – вещь ненужная!

Л у з г и н (серьёзно). А кому же наследство? А? Наследство-то кому?

Е ф и м о в (озабоченно смотрит на него). Не верится в наследство. Что же – наследники – находятся?

Л у з г и н. Ищу. День и ночь всё ищу, всё думаю.

Г л и н к и н. Не забудьте, что мои предки были англичане, Гленквэн. Возможно, что один из них переселился в Америку и там...

Е ф и м о в (искоса взглянул на Глинкина). Врёте вы! Англичане французы – не верю...

Г л и н к и н. Не смеее не верить! (Лузгину.) Наследство – в деньгах или в
Страница 19

земле?

Л у з г и н. В земле, в земле! И – в деньгах, да, да! И в деньгах. Шш! Молчок! Наследство – вот! (Смеётся, сделав руками широкий круг.)

Е ф и м о в. Неубедительно.

Г л и н к и н. Сыграем в преферанс?

Е ф и м о в. Четвёртого нет.

Г л и н к и н. С болваном.

Е ф и м о в. К е м с к о й прогонит.

Г л и н к и н. В кухне.

Е ф и м о в. Это можно.

(Пока они говорят, Лузгин, осматривая комнату, увидел в зеркале своё отражение. Это испугало его, он отскочил, прижав портфель свой ко груди. Но, всмотревшись в отражение, тихонько засмеялся, погрозил ему пальцем.)

Г л и н к и н (Лузгину). В преферанс – хотите?

Л у з г и н. Я? Хочу.

Г л и н к и н. Только четвёртого нет.

Л у з г и н (показывая в зеркало). А – вот! Вот он!

Г л и н к и н. Ну, это неостроумно.

Л у з г и н (Глинкину). Вы – честный?

Г л и н к и н (гордо). Что за вопрос!

Л у з г и н (тише). Тут не был эдакий... похожий на меня, а?

Г л и н к и н. Не видал. Да разве есть такой?

Л у з г и н (подмигивая). Есть – один...

Г л и н к и н (усмехаясь). Трудно быть похожим на вас!

Л у з г и н. Очень! Очень трудно! Но он – умеет! Он – может!

Е ф и м о в. Кто?

Л у з г и н. Есть такой.

Е ф и м о в (серьёзно смотрит в зеркало, потом на Лузгина). Продолжая разговор, скажу: каждая икринка хочет быть рыбой...

Л у з г и н (внимательно). Икринка – рыбой? Верно!

Е ф и м о в. И даже не просто рыбой, а – щукой.

Л у з г и н (восторженно). Верно! От этого и всё такое... (Разбалтывает руками воздух.)

Г л и н к и н (пренебрежительно). Это – чепуха, и всем известно.

Л у з г и н (толкнув его локтем). Чепуха? А зачем необыкновенный галстучек носите? А? Галстучек-то – зачем? (Отошёл к окну. Д у н я и К л а в д и я вбегают. К л а в д и я, увидав мужа, сделала гримасу, шепчет на ухо подруге. Ефимов, надув щёки, смотрит на жену. Лузгин, оглядываясь, идёт в кухню. Глинкин – за ним, но остановился.)

Д у н я. Здравствуйте, господа! Вп'очем, я всех видела, кроме искателя наследников. Нашли?

(Лузгин тихонько смеётся.)

Е ф и м о в (жене). Весело было в церкви?

Г л и н к и н. Сколько тысяч метров показывали?

К л а в д и я. Ну да, была в кинематографе! Ну, что ещё скажешь?

Е ф и м о в. Ты ко всеобщей пошла...

Д у н я. А я её утащила с собой...

(Лузгин озабоченно разглядывает всех, считает на пальцах.)

Г л и н к и н. Ну, идёте играть! Дуняша – в преферанс хотите?

Д у н я. Очень. Мне в картах – везёт.

(Все идут в кухню. Клавдия, взяв с буфета самовар, – за ними. Из кухни идёт Полина.)

К л а в д и я. Откуда? Всеобщая давно кончилась.

П о л и н а. Гуляла.

К л а в д и я. Ты? Это новость!

П о л и н а. Муж дома?

К л а в д и я. Во флигеле у постояльца. (Ушла. Полина, медленно перейдя комнату, остановилась у окна около буфета. Её не видно с лестницы. Клавдия вошла, вынимает из буфета чайную посуду.)

П о л и н а. Ты сердита?

К л а в д и я. Муж... Укус проклятый. Ох, как вы все надоели мне! Ходят, как ограбленные... На тебя тошно смотреть.

П о л и н а. Мне, Клава, плохо, тяжело мне, грустно...

К л а в д и я. Всем не весело, а – веселятся!

П о л и н а. Ты думаешь, не улыбнулась бы я? Если б было чему!

К л а в д и я. Кому, а – не чему.

П о л и н а. Ах, как улыбнулась бы! Всею душой... Господи!

К л а в д и я (передразнивает). Господи! Ну, и улыбнись какому-нибудь весёлому мужчине.

П о л и н а. Кроме этого – ничего нет для нас?

К л а в д и я. Кроме – чего? Конечно – нет ничего, кроме мужчины.

П о л и н а. В прятки играть, дрожать от страха?

К л а в д и я (гневно). И – подружи! В прятки! Скажите, какая праведная! У меня, матушка, муж двуглазый, да – играю, а тебе – с кривым...

(Наташа и Кемской идут по лестнице, они не видят Полину за буфетом.)

К е м с к о й. Чай – скоро?

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru

К л а в д и я. Сейчас будет.

К е м с к о й. Почему не в саду?

К л а в д и я. Можно и в саду. (Ушла в кухню. Оттуда возгласы: "Черви", "Пики", "Две черви", "Трефы".)

К е м с к о й (морщится). Трактир. Не хватает только балалайки и канарейки. Это ужасно. Вообще – ужасно! Мачеха твоя – ни ума, ни души ничего! Раньше таких женщин не было. Например – твоя мать, – о!.. Ты очень похожа на неё.

Н а т а ш а. Да, маркиз, вы говорили мне это пятьсот шестнадцать раз и я знаю, что моя мать была женщиной, очень похожей на меня. О других её достоинствах вы, маркиз, ничего не говорите...

К е м с к о й. Она была тоже остроумна.

Н а т а ш а. Понимаю: ещё раз похожа на меня. А вот зачем вы хотите выдать меня замуж за Глинкина – не понимаю!

К е м с к о й (недовольно). Я же объяснил: будешь дворянкой.

Н а т а ш а. Это очень украсит меня? Я всё ещё не нахожу вкуса в дворянстве. Это – всё?

К е м с к о й. Ну, знаешь... надо выходить замуж!.. (Раздражается.) Здесь пахнет этим... швейными машинами, постояльцами, глупостью...

Н а т а ш а. Шш... Не буяньте. Идите в сад, кормить комаров. Идите, я вам плед принесу. (Бежит вверх. Кемской идёт в кухню. Полина, стоя у окна, ощипывает с цветка увядшие листья. Наташа сбегает с лестницы, неся плед. Заметила Полину, обняла.)

Н а т а ш а. Ты меня любишь?

П о л и н а (прижимаясь к ней). Да. Очень.

Н а т а ш а. Почему?

П о л и н а. Об этом не спрашивают.

Н а т а ш а. Я обо всём спрашиваю. Ты меня любишь потому, что здесь больше некого любить, – пока. И за то, что ты любишь меня пока, до завтра, мне хочется обидеть тебя.

П о л и н а (гладит её голову). Что с тобой?

Н а т а ш а. Ты... плохо действуешь на меня! Ты заставляешь думать о тебе, а я и о себе думать не умею. Тебе никто не нравится, это потому, что ты сама себе не нравишься. Эх ты... (Отошла, остановилась.) Впрочем, я себе тоже не нравлюсь. Я сегодня печальна, как гитара... мне плакать хочется. Не всегда весело жить шутя, – вот до чего меня довели, до каких мыслей. Веселюсь, веселюсь, а может быть, я, как все, тоже невесёлая? А?

П о л и н а. Трудно ты говоришь, – не понимаю...

Н а т а ш а (другим тоном). Тебе нравится этот... Стогов?

П о л и н а (резко). Нет.

(Клавдия входит, взяла посуду, ушла, сердито взглянув на Полину.)

Н а т а ш а (удивилась, подозрительно). Что это, как ты?..

П о л и н а (тише). Нет.

Н а т а ш а (пытливо заглядывая в лицо её). Меня он интригует. Он похож на американского актера... в нём есть что-то, эдакое! (Щёлкает пальцами.) Я хочу

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru
пофлиртовать с ним. (Обняла Полину.) Так – не нравится?

П о л и н а (тревожно). Нет, Ната, – право, нет! И не надо флиртовать, не надо, чтоб он тебе нравился!

Н а т а ш а. Почему?

П о л и н а (горячее). Не надо – поверь!

Н а т а ш а. Почему так загадочно? Поля, у меня два глаза. (Показывает пальцами.) Два! И оба видят, что этот не милостивый государь – твой старый знакомый. Так, да?

П о л и н а (испугалась). Нет! Ты ошибаешься. Нет!

Н а т а ш а. А ты – врешь! (Тихо, пылливо.) Это – он? да? Тот, твой первый?

П о л и н а (отступая от неё). Не надо спрашивать – не теперь...

(Лузгин вошёл из кухни, беззвучно смеётся, разглядывая золотую монету.)

Н а т а ш а. Почему не теперь?

П о л и н а. Шш...

Н а т а ш а (заметив Лузгина). Отнеси плед крёстному – он в саду. (Лузгину.) Вы что же, прячетесь от меня, а? Заинтриговали каким-то наследством и – прячетесь...

Л у з г и н (играя монетой перед её глазами, посмеивается, затем лицо его странно изменяется, он отступает и поёт визгливо из "Демона"). "И будешь ты царицей мир-ра-а..."

Н а т а ш а (смеясь). Это – смешно, однако этим не проживёшь! Нет, вы мне скажите: наследница я или нет?

(Ефимов мрачно смотрит на них из двери кухни.)

Л у з г и н. Вы – ангел!

Н а т а ш а. Двадцати трёх лет. Ну-с?

Л у з г и н. Вы – замечательная! И похожи...

Н а т а ш а. Нет, не похожа. Довольно! Ни на кого не похожа!

Л у з г и н (поёт). "И будешь ты царицей..."

Е ф и м о в. Позвольте! А где доказательства?

Н а т а ш а. Какие?

Е ф и м о в. Может быть, наследник – это я?

Н а т а ш а (взяв Лузгина под руку). Идёмте в сад, там вы мне расскажете о наследстве...

(Лузгин идёт, подпрыгивая, обернулся, подмигнул Ефимову, тот смотрит вслед им, стоя неподвижно.)

Г л и н к и н (входит навстречу Наташе. Неодобрительно осмотрел её. Ефимову). Обыграл меня этот клоун! Чёрт знает что... (Ходит.)

Е ф и м о в (присел к столу). Н-да. И меня обыграл. Генрику Ибсену при жизни его памятник поставили. А что такое – Ибсен? Написал драму "Нора" и этим всех женщин с ума свёл, от мужей стали бегать.

Г л и н к и н (остановясь у стола, поднимает лампу, смотрит). Вы истории

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiuraxim.ru
человечества не знаете: жёны всегда от мужей бегали.

Яковлев (входит, потирая руки, за ним, тенью, Полина). Что ж вы чай пить не идёте? Там этот Лузгин с кемским... смешно слушать... оба сумасшедшие. (Вынул часы, смотрит. Глинкин и Ефимов уходят, переглядываясь. Яковлев, ухмыляясь, мурлыкая, шарит рукой по столу, ворчит.) Соврал. (Грозит кулаком по направлению к окну.) Погоди, я тебя...

Полина (подходит). Мне с тобой поговорить надо...

Яковлев (вздвонув). Что ты за мной ходишь, как собака?

Полина. Мне нужно поговорить.

Яковлев (снова глядя на часы). Три минуты.

Полина (горько). Больше нельзя?

Яковлев (смотрит на неё, хмурясь). Некогда мне. Ухожу. (Сел. Она стоит.)

Полина. Ты мне муж.

Яковлев. Ну?

Полина. Ты отвечаешь за меня...

Яковлев (обеспокоен). Что такое? Перед кем?

Полина. Перед богом, перед людьми.

Яковлев (спокойнее). Перед богом – это да... А люди... а полиция... (Снова встревожен). Ты что сделала? С Бобовой что-нибудь? Я же тебе, дура, говорил: вещей у неё не покупай!

Полина (вздвонув). Ничего не сделала я. Но... человек этот... во флигеле...

Яковлев (привстал, ударил ладонью по столу). Молчать! Ты и подходить к нему не смей, – слышала? Вы обе, ты и Наташка, в два голоса... Это – человек нужный мне. Ты его – не видишь! Нет его для тебя – поняла? Слова сказать с ним не смей! Нет его! (Встаёт, схватил жену за плечи, трясёт.) Понимаешь?

Полина (легко оттолкнув его). Слушай, я тебе в ноги поклонюсь помоги! Я – пряталась, я жила сама себя не видя... как в тюрьме жила в темноте души моей! Я – боюсь. Я – не могу... не могу видеть его!

Яковлев (изумлён её возбуждением). Стой... подожди! Что такое? Ах, чёрт тебя возьми! Влюбилась, проклятая? Сразу, в десять дней?

Полина (очень сильно). Не влюбилась я. Не хочу ничего. Только скажи ему – ушёл бы он. Не мучил бы души моей! Я – убить могу... .

Яковлев (испуган). Кого? Меня?

Полина. Себя. Его. Пойми же: он – первое горе моё...

Яковлев. Первое... что? Ага-а? (Между ним и женой – стол. Яковлев наклонился, упираясь руками в край стола. Руки дрожат, слышно, как звенит стекло абажура.) Он был... это он – любовник твой? Ах ты... Вот как? Вот почему он... (Растерялся, не находит, что сказать. Ревность старика борется в нём с жадностью к деньгам. Нашёл.) Ты – ненавидеть его должна, не-на-ви-деть, поняла? Не прикасайся к нему и – ненавидь! Ведь он тебя обманул, да? Говори!

Полина. Я – ненавижу... но – боюсь...

Яковлев. Стой! Он – кто? Сыщик, да? Вор?

Полина. Я – не знаю. Он был кассиром на вокзале.

Яковлев (успокаиваясь). Значит – вор! Ловили? Судили?

Полина. Я не знаю, не знаю!

Яковлев. Конечно – вор! Да... вот как?

Полина. Ты – один у меня, – помоги!

Яковлев. Он к тебе не пойдёт, коли ты его не поманишь! Ах ты, дьявол тихий... обмануть хочешь меня. Дескать, – я говорила, предупреждала, да? Ну, нет, со мной в эту игру не сыграешь, нет! (Яростно.) Ты помнишь кто ты? Помнишь, откуда я тебя взял? Я тебя со скамьи подсудимых взял, собака!

Полина (почти с ужасом). Что ты? Ты – защитить меня должен! Тебе бог дал меня...

Яковлев. Не тронь бога, свинья! Бог – не дурак, это я дурак – я!

Полина. Что ты делаешь? Я тебе душу хотела открыть, а ты меня в могилу гонишь...

Яковлев. Плюю в душу тебе!

Наташа (входит). Портсигар крестный не оставил тут? (Ей не отвечают.) Сегодня ты, отец, ругаешь её молча? (Идёт на лестницу. Полина тоже делает шаг в сторону.)

Яковлев. Стой! Куда?

Полина. Я не могу.

Яковлев. Не криви морду! Смотри, чтобы никто ничего не замечал! (Не знает, что сказать.) Ближе большой беды ходишь... Поняла? (Замахнулся на неё.)

Полина (отступив). Прости тебя бог, а я – не сумею... не смогу!

Яковлев (шипит, грозя кулаком). Молчи!

Наташа (идёт с лестницы, играя портсигаром). Шептать начали?

Яковлев. Ты иди, иди!

Наташа. "Вздвогнув от ужаса, девушка исчезла, как тень".

Яковлев (выхватив часы, смотрит на них, говоря угрюмо и зло). Ты меня не перехитришь, ты свой грех на меня не сложишь! Сама носи его, сама! У тебя должна быть своя совесть, свой разум...

Полина. Совесть у меня есть. Разума – нет.

Яковлев. Я ещё поговорю с тобой!

Полина (тихо). Не надо.

Яковлев. Я – знаю, что надо и как надо! (Уходит.)

Полина (идёт к окну, слепо, шаркая ногами, качаясь. Подошла отскочила). Ох...

Стогов (в окне). Испугал? (Влезает в комнату.)

Полина (отступая от него). Сторговался? Купил меня?

Стогов. Не говоря о том, что муж твой – мерзавец, он ещё и дурак. (Отдувается, нахмурился.) Орёт, шипит, а я – под окном. И тут же этот Лузгин кружится, Ефимов послушать хочет. Почему это к вам присосался Лузгин?

Полина (негромко). Ненавижу я тебя, ненавижу!

С т о г о в. На здоровье. Рад буду, если от этого тебе легче будет. Полина, хочешь, я мужа твоего в тюрьму спрячу?

(Полина молчит, неподвижно глядя на него.)

С т о г о в (сел на стул, боком к окну). Предупреждаю: если не я, так другой засадит его. Лузгин, например. Он, кажется, сыщик.

П о л и н а. А ты кто?

(Стогов пожал плечами, закуривает.)

П о л и н а. А ведь ты был хороший человек! Был?

С т о г о в. Едва ли... Вернее – не был.

П о л и н а. Был! Я – знаю.

С т о г о в. Тебе, конечно, приятнее думать, что ты любила хорошего человека.

П о л и н а (с робкой надеждой). В тебе ещё и теперь что-то есть.

С т о г о в. Ничего нет.

П о л и н а. Зачем ты говоришь так? Зачем?

С т о г о в. Не затем, чтобы покаяться пред тобою. Это – не нужно, ни тебе, ни мне.

П о л и н а. Что тебе нужно? Что? Зачем ты пришёл?

С т о г о в. По глупости. Ну, слушай, дело вот в чём: я думал, что ты с Яковлевым живёшь хорошо, дружно. Но вот смотрю я на вас вторую неделю и вижу, что ошибся. Мне тебя жалко.

П о л и н а. Не верю.

С т о г о в. Это – дело твоё, не верь. Но ты можешь снова попасть в тюрьму. Ты знаешь, что Яковлев с ворами в дружбе, краденое скупает? Он и Бобова.

(Полина села, молчит, опустив голову.)

С т о г о в. Замуж он тебя взял не потому, что пожалел, а потому, что надеялся встретить в тебе удобного ему человека. Поняла?

П о л и н а. Ты сказал, что у тебя совесть есть. Помнишь? Вот здесь ты сказал это.

С т о г о в. Ошибся. (Встал, ходит.)

П о л и н а. Взгляни на меня...

С т о г о в (не глядя). Так – как же: хочешь, чтоб я посадил мужа в тюрьму?

П о л и н а (усмехаясь). А я – с тобой, да? Этого не будет!

С т о г о в. Я и не жду этого.

(Пауза.)

П о л и н а (следит за ним, спрашивает тихо). Не ждёшь? Почему? Что ж тебе нужно?

С т о г о в (присев на ступени лестницы). Да вот... не хочу, чтоб ты снова в тюрьму попала.

П о л и н а (тихо). Всё это – ложь! Всё, всё – неправда, фальшь. Я спрашиваю:

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru
что тебе нужно, что?

С т о г о в. Тише...

Н а т а ш а (ведёт Кемского, окутанного пледом). Вы капризничаете, маркиз.

К е м с к о й. Нет, это невозможно! Всегда кто-то есть! Суются под ноги. Этот Ефимов! Какой-то Лузгин... полоумный враль. Кто это на лестнице? Вы, квартирант? На лестницах только кошки сидят...

Н а т а ш а (Стогову). Не уходите. Я сейчас приду. Мне вас нужно.

С т о г о в. Слушаю.

П о л и н а. Я ничего, никого не боюсь. Мне - всё равно. (Пауза.) Слышишь?

С т о г о в. Слышу.

Е ф и м о в (входит). Почему темно?

С т о г о в. Должно быть, потому, что огня нет.

Е ф и м о в. Зажечь надо!

П о л и н а. Не надо.

Е ф и м о в (сел у окна, освещён луною). Идиот этот, Иванов, ухаживает за Дуней Поповой. В саду сидят. Он ей патоку за шиворот заливает. Говорит: "Трудно быть красивым мужчиной". Каково? Идиот. (Ему не отвечают.) А может быть, он за Дуней ухаживает для отвода глаз... чьих-нибудь? А? Полина Петровна - для отвода глаз?

П о л и н а (тихо). Да. Может быть. Наверное.

Е ф и м о в (вздыхая). Глинкин Лузгину золотой проиграл. Откуда у него золотой?

С т о г о в. Пять рублей?

Е ф и м о в. Пять. А что?

С т о г о в. Пять рублей - не много...

Е ф и м о в. Положим... А всё-таки - откуда? Лузгин - рад.

Н а т а ш а (сбегая по лестнице). Агафья, уйди, ты мне мешаешь!

Е ф и м о в. Что-о такое? Что за грубость?

Н а т а ш а. Пожалуйста - уйди. А то я... (Зажигает лампу.)

Е ф и м о в. Чёрт знает что... (Уходит.)

(Наташа закрывает за ним дверь в кухню, затем окно, затворила дверь в магазин, оглядывается. Стогов следит за нею с усмешкой, с любопытством. Полина встала, хочет уйти.)

Н а т а ш а. Нет, мачеха, останься. Сиди. Сядьте и вы, Ипполит... Как? Не помню.

С т о г о в (стоит). И не надо помнить.

Н а т а ш а. Загадочно сказано. Вы, вообще, загадочный человек, а я этого терпеть не могу. И мне нужно знать - кто вы такой?

С т о г о в (усмехаясь). Замечательно; кроме меня самого - это все хотят знать. Ну, зачем вам? Вам-то зачем?

Н а т а ш а. Нет, бросьте эти штучки! Кто вы? Чем занимаетесь?

С т о г о в. Представьте, что - сыщик, агент полиции.

П о л и н а. Не верь!

Н а т а ш а. Не верю. Вы, сударь, лжёте!

С т о г о в. Разве?

Н а т а ш а. Да. Вы занимаетесь сбытом фальшивых денег. Золотых. Так? И вы хотите погубить... отца и всех нас. Да?

П о л и н а. Неправда. Нет, Наташа, это неправда! Нет же!

Н а т а ш а (резко). Это он – из-за тебя, мачеха? Ведь он – тот, твой? Говори!

П о л и н а. Да. Это – он! Но – он не из-за меня, нет! Я – ничего не понимаю... Не хочу ничего слышать, видеть... я уйду...

Н а т а ш а (строго). Нельзя. Сиди.

С т о г о в. Пусть уйдёт, это лучше.

Н а т а ш а. Почему?

С т о г о в. Увидите. Иди, Полина.

(Полина медленно уходит к себе в комнату. Оба молча смотрят вслед ей, потом – друг на друга.)

Н а т а ш а. Почему вы её удалили?

С т о г о в. Достаточно с неё.

Н а т а ш а. Чего достаточно?

С т о г о в (не ответив, вынул кошелек из кармана, достал пять золотых монет, положил на стол). Вот, смотрите: четыре настоящих, одна фальшивая. Найдите – которая?

Н а т а ш а. Не хочу.

С т о г о в. А вы попробуйте!

Н а т а ш а. Все – фальшивые.

С т о г о в. Совершенно серьёзно говорю – одна!

Н а т а ш а (подозрительно разглядывая его). Не понимаю, зачем всё это нужно. Я спросила вас... Вы ещё не ответили. (Рассматривает монеты, хмурится, взвешивая их на ладони. Её боевое настроение постепенно падает, уступая место волнующему любопытству. Она несколько досадует на себя, чувствуя, что уже потеряла взятый ею тон.)

С т о г о в (потирая лоб). Не найдёте. Я сам сразу не могу найти. Это очень искусная работа. Делают здесь в городе или около.

Н а т а ш а (бросила монеты на стол). Все фальшивые или все настоящие. Я не знаю.

С т о г о в. Вот видите. Иногда думаешь, что настоящих – вовсе нет. То есть – фальшивых нет. Но – эта признана фальшивой. Чтоб отличить её, я поставил знак иглой. Вот...

Н а т а ш а (взяв монету). Ну, и что же? К чему всё это?

С т о г о в. Их было две – таких. Одну я потерял. Она оказалась в руках вашего жениха, а он – проиграл её Лузгину. Это Лузгин сказал вам, что я – фальшивомонетчик? Да?

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Н а т а ш а (вздыхнув). У вас – лицо честного человека.

С т о г о в. Ошибочное впечатление. Ложное.

Н а т а ш а. Или вы – хороший актёр.

С т о г о в. Не торопитесь понимать. Если актёр – то плохой. Я сказал вам правду – я сыщик. Ловлю фальшивомонетчиков на фальшивую монету. Могу, разумеется, сделать много неприятностей и невинному человеку. Если захочу. Могу жадного спровоцировать. Вашего... Яковлева легко погубить, он – жаден и глуп. Вы, конечно, знаете, что не он – отец ваш, а – Кемской? Об этом все говорят. Так?

Н а т а ш а (кивнув головой). Но всё-таки, к чему вы говорите это мне?

С т о г о в. Вы – умная.

Н а т а ш а (смотрит на него с любопытством и страхом, как на воплощённую тень злодея с экрана кинематографа). Ну, хорошо, умная... и что же?

С т о г о в. Вот, попробуйте-ка, помогите мне... Я несколько... запутался. Яковлев – вполне достоин того, что он заслужил. Но – Полина? Да и вы. Будет скандал. Лузгин, кажется, тоже сыщик... если он не сумасшедший. Сыщик или вор. Это всегда близко одно к другому.

Н а т а ш а (тихо). Всегда? Нет!..

С т о г о в. Не торопитесь жалеть.

Н а т а ш а. Его поиски наследников...

С т о г о в. Средство войти в дом, в душу.

Н а т а ш а. Вы ошибаетесь, я думаю! Вы не ошибаетесь?

С т о г о в. Едва ли. Я достаточно ошибался.

Н а т а ш а (возмутилась, стучит кулаком по столу). Я не понимаю... Вы... всё это неестественно! Всё, что вы говорите, кажется неправдой...

С т о г о в. Верный признак, что я говорю правду. (Указывает на монеты.) Не нашли фальшивую-то. С людьми – так же: настоящего человека отличить от фальшивых можно, только поставив на него свой знак. Но это портит его.

Н а т а ш а. Вы – о Полине? Что вы хотите делать с нею?

С т о г о в. Ничего. Хотел, но не хочу. (Пауза. Подумал.) Конечно, я не хочу, чтобы она попала в грязную историю с ворами. Тут, видите ли, случилось так... Я людей не люблю, они мне сделали много зла. Встретил я её и... не знаю, так ли это, но вспыхнуло нечто. Может быть, только желание поглумиться, поозорничать. Она – тяжёлый человек. А может быть, совесть. Жалость. Или, как у вас к наследству Лузгина, – любопытство.

Н а т а ш а (волнуясь). Всё – не так! Не то говорите вы! Я – не маленькая, я вижу. Вы – вовсе не плохой человек.

С т о г о в. Повторяю – не торопитесь.

Н а т а ш а (встала). Но что же мы будем делать?

З т о г о в. Мы? Вы – и я? (Усмехается.)

Н а т а ш а. Ну да! Что?

С т о г о в. За себя скажу – не понимаю, что можно сделать для Полины. Спрятать бы её в какое-то спокойное место на время. Но где такое место? Да и – вообще... (Махнул рукой.) Вот, я оставляю здесь одну монету. Ваш жених придёт?

Н а т а ш а. Да. Должен принести бумаги. А что?

С т о г о в. Хотите знать, что будет с золотым? Следите за ним. А я уйду.

Н а т а ш а (возмущённо). Куда? Мы ведь ничего ещё не решили! И зачем вам Глинкин? Не понимаю...

С т о г о в (резко). Больше я не могу говорить... с вами.

Н а т а ш а. Почему?

С т о г о в (уходит). Не могу... не умею...

Н а т а ш а. Боже мой... Зачем всё это? Я думала - вы из тех, которые тайно учат... чему-нибудь... что-то знают настоящее...

С т о г о в. Нет, я не из тех. Я - ничего не знаю. И ненавижу тех, которые всё знают, всё осудили. (Ушёл.)

Н а т а ш а. Какая же это жизнь? Какая жизнь?

Занавес

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Через час. Из угла, из своей комнаты, вышла П о л и н а, погасила на столе огонь лампы, комната освещается луною через окно, верхняя часть лестницы - светом из открытой двери Наташиной комнаты. П о л и н а подошла к двери магазина, отступила.

П о л и н а. Кто это? Клавдия - ты?

Н а т а ш а (выходит, кутаясь шалью). Это - я.

П о л и н а. Что ты - в темноте?

Н а т а ш а. Сижу, смотрю на улицу, там светло, луна. (Положила руки на плечи мачехи, шаль упала на пол.) Слушай, этот... Стогов - кто он всё-таки?

П о л и н а (вздыхнув). Был хороший человек, а теперь - негодяй...

Н а т а ш а. Негодяй?

П о л и н а. Сама видишь. Я - не виню его, все - так!

Н а т а ш а. Негодяй, потому что разлюбил тебя?

П о л и н а (не сразу). Почему ты говоришь - разлюбил? Ведь вот он нашёл меня, явился...

(Молча смотрят друг на друга. Полина снимает со своих плеч руки Наташи - кажется, что она хочет обнять себя её руками, но затем отталкивает их. Идут рядом к окну, не глядя друг на друга.)

Н а т а ш а. Завтра - воскресенье...

П о л и н а. Да. А - что?

Н а т а ш а. Так. Дни бегут, точно испуганные собаки.

(Стоят у окна.)

К л а в д и я (осторожно выглянула из двери своей комнаты. Подмышкой узел, в руке - чемодан. Скрылась. Затем выходит без вещей). Чем любуетесь?

Н а т а ш а. Луной.

К л а в д и я. А я иду к Дуне, ночевать. Она - одна. Тётка её уехала дачу продавать. (Молчание.) Муженьком моим не пахнет? Не видали его?

Н а т а ш а. Нет.

К л а в д и я. Значит – в трактире. Ну, прощайте! Иду. (Ушла в свою комнату.)

П о л и н а. Я тоже уйду, Наташа. Я – спать.

Н а т а ш а. Усни. (Нахмурясь, смотрит вслед ей. Идёт к двери магазина, подняла с пола шаль, набросила её на себя, скрылась в магазине.)

Д у н я (из двери кухни, осторожно стучит в дверь Клавдии, та – на пороге, шепчутся). Ты мне вещи в окно подай, а я их – через забор.

К л а в д и я. Он – ждёт?

Д у н я. Ну да! Скорее. (Взяла из рук Клавдии узел, ушла. Наташа выглядывает из магазина.)

К е м с к о й (спускается с лестницы, в халате, на голове – шёлковая чёрная шапочка). Наташа! Глинкин! Кто-нибудь есть тут? Никого, когда нужно. Темнота. Экономия. Всегда были люди, но никогда они не были так отвратительны. (Кричит в окно.) Наташа! (Идёт в кухню.)

Б о б о в а (нарядно одетая, из кухни). Не спишь – ходишь? Эх, старость!

К е м с к о й. Никого нет...

Б о б о в а. Ночь всех в сад выманила. Идём, провожу. У меня, батюшка, дельце к тебе. Блудливые языки говорят про меня...

(Ушли. Клавдия вышла из своей двери с вещами, но тотчас бросилась назад. Ефимов и Глинкин с портфелем, выпивший. Ефимов тоже нетрезв.)

Г л и н к и н. Не заметил нас, старый чёрт. Вот – жизнь! За двадцать пять рублей работаю до поздней ночи, а?

Е ф и м о в (мрачно). Все живём плохо. У меня, брат, тоже... кошки в душе. Да. Правильно говорят: любовь – мученье...

Г л и н к и н. Это – когда глупо говорят. Любовь – дело государственное. (Сел к столу. Поднимает кружок под лампой, быстро опустил. Улыбается. Вынул из кармана стекло, вставил в глаз.) Удивительно.

Е ф и м о в. Ничего удивительного нет. Ерунда всё. И – не всякий понимает, что ему надо. Людям надо приказывать: вот чего желайте, а иного не смейте! Если б я был... (Смотрит на стенные часы.) Где этот чёрт Лузгин? Хотел придти... (Свистит.)

Г л и н к и н (блаженно улыбаясь, напевает). "Наша жизнь – полна чудес..."

Е ф и м о в. Теперь моноклей не носят.

Г л и н к и н. Что-с?

Е ф и м о в. Не носят моноклей теперь.

Г л и н к и н. Предоставь мне знать эти вещи, а?

Е ф и м о в. Не носят. И это – не монокль, а стекло от дамских часов, я вижу. Дёшево форсишь.

Г л и н к и н. Ты глуп!

Е ф и м о в (встал). Не очень. Нет, я не очень глуп. (Идёт к себе.) Клавдия!

Г л и н к и н (взял со стола монету. Поцеловал). Милая...

Н а т а ш а (подошла к нему сзади). Положи на место.

Г л и н к и н (испугался, вскочил, выхватил стекло из глаза. Смеясь, обнял Наташу за талию). Наталия – и так далее. Это – ты делаешь, да? Это очень мило. Дай щёчку...

Н а т а ш а (оттолкнув его). Положи монету на место.

Г л и н к и н. Но – почему? (Сердится.) Ты всё – капризничаешь, душа моя! Это может надоесть мне.

Н а т а ш а. Пошёл прочь!

Г л и н к и н. Позволь – что такое?

Н а т а ш а. Пошёл прочь, идиот!

Г л и н к и н (оробел). Но – что ж тут такого? Ты положила – я взял. В чём же дело? Наконец, я не могу допустить, чтобы ты кричала на меня... Моё достоинство... Я скажу Кемскому, что ты невозможна...

Н а т а ш а (отходя от него). Ничтожество ты...

Г л и н к и н (идя за нею). Ты забываешь, что я – дворянин, и в наше время, когда мы единственно...

Н а т а ш а. Уйди! Я тебя ударю... (Бежит вверх по лестнице.)

Г л и н к и н (растерянно). Послушай... Что ж это? Чего ты хочешь?

(Кемской и Бобова идут.)

К е м с к о й (брезгливо отмахиваясь). Ну, довольно, не надо! Я сказал: заплачу тебе. Не надо это – сплетни и всё...

Б о б о в а. Как – не надо? Надо, милый! И заплатить мне по векселю надо, и знать, что в доме делается, надо тебе. Ты – верь мне. От кого, кроме меня, непорочную ласку увидишь ты? Я тебя знаю, я тебя помню, каков ты сокол был. Двадцать-то годков спустя... Помнишь, как ты со мной на пароходе знакомство свёл. Какова была я...

К е м с к о й (оглядываясь). Ф-фу, какая ты!.. Тут люди везде, а ты...

Б о б о в а. Ну, не буду, не буду... Ну, молчу! А ведь сердечко-то твоё, старенькое, последние дни-ночи доживая, оно ведь не умолкнет, оно не онемееет...

К е м с к о й. Нет, это... чёрт знает что! Это же необходимо кончить... необходимо!

Б о б о в а. То-то вот! Необходимое, брат, не обойдёшь, нет! Бога – не обойдёшь, правды – не обойдёшь! Всё, всех людей обойти можно, а правду обойди-ка? Она – не обходима, да, да, милый! Обойди её, попробуй, и заплутаешься...

К е м с к о й (заметив Глинкина, который зажигает лампу). Ну что? Что стоишь? Стоит и... слушает!

Г л и н к и н (вынимая бумаги из портфеля). Вот, протоколы допроса и ваше заключение по делу Краевых.

К е м с к о й. Ну, что же? Надо подписать! Перо! (Садится к столу. Глинкин даёт ему перо. Подписывая бумаги.) Завтра отнесёшь прокурору. Вероятно, ошибки, ошибки у тебя. Ты, брат, небрежен, да! Найди Наташу...

(Бобова ушла в комнату Ефимовых.)

Г л и н к и н. Она – у себя...

К е м с к о й. Позови.

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Г л и н к и н. Я с ней поссорился. Я хочу сказать вам, что она...

К е м с к о й (с досадой). Знаю, знаю! С такими девушками – не ссорятся, если ведут себя умно... Иди... Поссорился... Ты, братец, не глупи...

(Полина в белом платье выходит из своей комнаты, оглядывается.)

К е м с к о й. Это – вы? Куда это вы?

П о л и н а. В гости.

К е м с к о й. Так поздно? Гм... Я нахожу, что ваше... Ваш пример вреден для Наташи. Все эти постояльцы... этот бритый... Бобова говорит, знаете, что он и вы...

П о л и н а. Прощайте.

Я к о в л е в (в двери кухни). Куда?

П о л и н а. К знакомой.

Я к о в л е в (оглядывая её). Какая – знакомая? У тебя нет знакомых.

П о л и н а. Есть. Одна.

Я к о в л е в. Врёшь! И – нарядилась? Ты... (Схватил её за плечи, она его отталкивает.)

К е м с к о й (подошёл). Послушай, Яковлев, это – невозможно. Ты сам виноват, ты стар, она – молода. Ты поселил тут... разных... Наташа тоже молода и неопытна...

Я к о в л е в. Позвольте...

К е м с к о й. Нет, подожди, я говорю, я! Я хотел семейно и тихо всё это... Это – мой дом. Я стар, мне нужен покой. Ты должен считаться с этим, а ты... Тут Наташа...

Я к о в л е в. Наташа – кто?

К е м с к о й. То есть – как это – кто?

Я к о в л е в. Она – дочь моя? Моя дочь?

К е м с к о й. И... и что же?

Я к о в л е в. А – вот это самое! Моя?

(П о л и н а стоит у окна, смотрит на них.)

К е м с к о й. Ты, кажется, выпил?

Я к о в л е в. Выпил? Да! Яду выпил!

К е м с к о й. Послушай, что же это? Ты – добрый человек, и я добрый. И вот, у нас нехорошо.

Я к о в л е в. Что – нехорошо?

К е м с к о й. Ты не можешь прилично устроить семью. И всем с тобой скучно, тяжело...

Я к о в л е в. А если я вас, барин, к чертям пошлю, к самым отдалённым, а?

К е м с к о й (выпрямился, смотрит грозно, – а беспомощен и жалок). Свинья ты, братец...

(Наташа на лестнице, Глинкин – сзади её, ступеней на пять выше, очень растерянный.)

Яковлев (яростно). Свинья, а вам – братец? Как же это, а? Хэ-хэ! Как же-с?

Кемской (падая на стул). Ты... я не знаю что!..

Наташа (Яковлеву). Вы не смеете так грубо говорить с моим отцом...

Яковлев (отшатнулся). Что? С кем?..

Наташа. Вы знаете, что он – мой отец...

Кемской (вскочил, кричит). Наташа – зачем? О, боже мой! Это я должен был сказать – я! Я ждал момента... Это надо было сказать торжественно. Я готовился ко дню твоего рождения. А не в такую минуту, когда скандал, чужие люди кругом... и – вообще. Нужно шампанское! И подарок тебе...

Яковлев (презрительно). Старый дурак.

Наташа. Не смейте, вы!..

Кемской. Ты слышишь, Ната? Вот что ты сделала!

(Яковлев стоит у буфета и смеётся рыдающим звуком. Полина тихо подвигается к нему. Бобова, Ефимов, Клавдия – смотрят из двери. Глинкин у лестницы, взбивает волосы: у него вид человека, готового совершить подвиг.)

Наташа (глядя голову отца). Как это грустно всё, как нехорошо...

Кемской (с отчаянием). Но ты сама виновата, что нехорошо! Я так обдумал всё... так внушительно... Сказать должен был я! Тогда всё было бы иначе. Был бы праздник.

Наташа. Молчите, отец.

Кемской, я двадцать лет думал о том, как это будет.

Наташа. Вы слишком долго думали.

Кемской. И вот ты, дочь моя, отняла у меня лучший день жизни! Это – ужасно! Это... совершенно непоправимо...

Наташа. Весь город знает о том, что я – ваша дочь.

Яковлев (орёт). Да! Весь! И я знал! знал! Всегда! Ха-ха-ха!

(Неожиданный крик его испугал всех. Молчание, слышен шёпот.)

Бобова (шепчет громко). О, господи... Жалость какая...

Наташа (ей). Ты – иди вон! И чтобы носа твоего не видела я здесь...

Бобова. За что?

Яковлев. Позвольте! Я здесь – кто?

Наташа. Вон!

Бобова. Ладно. Иду. (Кемскому.) О векселе-то не забудьте, барин. А вы, Наталья, – уж не знаю, как вас величать по батюшке... Вы моих уточек ели, да! Это не папаша стрелял, а я покупала, на мои бедные деньги, да-с! Не из лесу утки, а – с базара. (Идёт в кухню.) Прощай, Полина Петровна! Сожрут они тебя, как уточек моих сожрали...

Кемской (держит дочь за руку). Какой ужас... Ты не знаешь, как всё это больно мне. Вычеркнут лучший день моей жизни...

Наташа (поднимая его). Идёмте.

Фальшивая монета. Максим Горький gorķiутахiт.ru

П о л и н а (дотрагиваясь до плеча Яковлева). Послушай...

Я к о в л е в (отскочив от неё). Ты! Прочь! Змея! Кто ты мне? Все прочь! Теперь – я сам...

П о л и н а (кланяясь). Прощайте, добрые, люди... хорошие люди... (Идёт.)

Я к о в л е в. Куда?

(Полина остановилась, смотрит на него.)

Я к о в л е в. К любовнику? Уйди... Ползи, змея!

(Полина идёт, остановилась у окна. Все ушли. Глинкин – в комнату Ефимовых. Полина идёт назад, тихо и как-то неумело смеётся.)

Я к о в л е в (изумлён, отступает за стол). Это – что ещё?

П о л и н а (горестно, с иронией). Спаситель мой... Ведь ты – мой спаситель, да?

Я к о в л е в (смотрит на неё опасливо, бормочет). Ну? А – что же?

П о л и н а. Ты спас меня от гибели?

Я к о в л е в. И – спас! Куда бы ты без меня? На улицу? В проститутки?

П о л и н а. Да, конечно! А ты, добрый, пожалел меня, взял к себе, всё забыл, всё простил мне и меня заставил забыть всё, любил меня, нежил...

Я к о в л е в (не понимает её, готов растрогаться). Да, я к тебе всей душой, а ты...

П о л и н а (очень спокойно). Будь ты проклят, гадина! – вот моё прощальное слово! Будь проклят! (Идёт.)

Я к о в л е в (поражённо смотрит вслед ей, задыхаясь от злобы, от испуга, подошёл к буфету, налил из графина рюмку водки, выпил, налил ещё, тоже выпил. Закрыв глаза, откручивает пуговицу пиджака. Сел. Бормочет). Мне никого не надо... Освободил меня господь от вас, дьяволы. (Морщится. Снимает с глаз слёзы пальцем, рассматривает их, отирает палец о колено.) Никого у меня нет. И не признаёт меня господь за своего человека... не признаёт! (Поднёс палец к огню лампы, рассматривает слезу на конце пальца. Вытер слезу о волосы. Встал, подошёл к окну, кричит.) Палашка! Пелагея! Полина!.. (Высунулся в окно, опрокинул горшок с цветком, напугивает его.) К чёрту! Всё – к чёрту! (Подошёл к шкафу. Пьёт водку. Идёт к себе в угол. Клавдия из своей комнаты, за нею Глинкин. Клавдия взволнована, не находит себе места.)

Г л и н к и н (озабоченно). Всё-таки я хочу объясниться.

К л а в д и я (нетерпеливо). Оставь! Наталья – не жена тебе. Заносчива, капризна, театром бредит, а театр из моды вышел. Да и какое приданое даёт за нею Кемской? Дом этот? Дом этот – дешевле гроба...

Г л и н к и н (раздумчиво). Конечно, – Дуня Попова, это – идея.

К л а в д и я. Дело – а не идея! Дуня – богатая. Глупая. (Стоит у двери в свою комнату, прислушивается.) А эти – всё о наследстве болтают, Лузгин – тёмный мужчина, хитрый... (Ломая руки, смотрит на стенные часы.)

Г л и н к и н. Я знаю, почему ты хочешь женить меня на Поповой, – за ней ухаживает Иванов, а у тебя с ним роман.

К л а в д и я (презрительно). Догадался! Роман кружить и с женатым можно. Ещё – интереснее.

Г л и н к и н (охорашиваясь перед зеркалом). Я женюсь, а Иванов рога будет наставлять мне.

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

К л а в д и я. Он – тебе, а ты – ему. Не всё равно, кто рога наставит, Иванов или другой...

Г л и н к и н (вздыхнув). Всё-таки ты для себя стараешься...

К л а в д и я (вынув из кармана деньги, считает). Я – не монахиня. Это монахини не для себя живут, да и то... (Задумалась, закрыла глаза.) Как замечательно в кинематографе было! До слёз хорошо! Какое он сделал изумительное лицо, узнав, что жена изменяет ему! Какая страшная печаль была в его глазах! И губы – дрожат, дрожат... ах!.. (Глубоко вздохнула, стоит, заломив руки за шею, мечтательно улыбаясь.) Великий талант нужен для того, чтоб люди поняли без слов, как ты страдаешь...

Г л и н к и н (с досадой). Это – вздор... Страдать – просто...

К л а в д и я (горячо). Ну, уж нет! Бездарный артист, как бы ни страдал, а плакать не заставит. Удивительно это – кинематограф! До него настоящего искусства и не было.

Г л и н к и н. А – романы? Забыла?

К л а в д и я. Роман – неделю сосёшь, а тут – полтора часа, и готово, сыта по горло. (Пауза.) Где это – женщины наши? Разогнали всех старики...

Г л и н к и н. Женщины должны быть дома, это – домашние животные.

К л а в д и я (презрительно). Пошутил! Эх ты... (Подошла к двери, прислушивается.)

Н а т а ш а (сбегая один марш лестницы). Клавдия, принеси льду с погреба, – скорей... (Исчезает.)

К л а в д и я. Что ещё там? (Уходит в кухню.)

(Глинкин подошёл к столу, приподнял лампу – смотрит нахмурясь, щупает скатерть рукою. Ефимов, сияющий, полупьяный, ведёт за руку Лузгина, тот, прижимая ко груди толстый портфель, тоже улыбается, подпрыгивает.)

Е ф и м о в (восторженно). Уговорил! Сейчас он объявит наследников... всё скажет!

Л у з г и н (возбуждённо). Всё, всё скажу!

Г л и н к и н (скептически). По-моему – у вас обоих неладно тут. (Указывает на свою голову.)

Е ф и м о в. Это – и у тебя. Этим не хвастаются.

Л у з г и н. Где она?

Г л и н к и н. Кто?

(Лузгин, подмигнув ему, смеётся.)

Г л и н к и н (тревожно). Наталья, да? Разве – она? Слушайте, вы, чёрт...

К л а в д и я (с тарелкой в руках). Вы бы не шумели, кажется, кемской захворал.

Е ф и м о в (с любопытством). Умирает?

Г л и н к и н (суетится, взволнован). Клавдия, зови Наташу, должно быть, это она – наследница!

Е ф и м о в (потирая руки). Н-неизвестно!

(Клавдия заинтригованно смотрит на Лузгина, который, сидя у стола, вынимает из портфеля пачки газетных объявлений, афиши и бормочет что-то.)

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru
К л а в д и я (бежит вверх). Ой, интересно как!

(Стогов вошёл из кухни, встал у окна за буфетом, нахмурясь наблюдает за Лузгиным.)

Г л и н к и н (Лузгину). Это – зачем вам?

Л у з г и н. Мне? Мне не нужно.

Г л и н к и н. Это объявления?

Е ф и м о в (оттолкнув его). Не мешай!

(Клавдия сбегает с верха, за нею медленно идёт Наташа. Стогов, выступив из-за буфета, подходит к ней, отводит её к окну.)

С т о г о в (озабоченно). Будьте осторожны! Он или с ума сошёл, или разыгрывает какую-то скверную комедию.

Н а т а ш а (сухо). Сейчас узнаем... (Идёт к Лузгину.) Ну, что ж, нашли наследников?

Л у з г и н (вскочив). Да! Да! Нашёл! (Судорожно шарит в карманах.)

Н а т а ш а. Кто ж это? Кто они?

Л у з г и н (бормочет). Вы! Все! Сейчас...

Е ф и м о в. Как же – все?

Л у з г и н (нашёл в кармане золотую монету, высоко поднял руку, показывает её всем, кричит). Вот – оно! Наследство... Видите? Вот!

Г л и н к и н (привстав на носки, смотрит на монету, потом на всех, испуган). Позвольте... это что же? Это – он выиграл у меня! То есть, это, может быть, другая...

С т о г о в. Вы её... нашли, да?

Н а т а ш а (отвернулась от Глинкина, Стогову). Я не понимаю...

С т о г о в. Это... странная игра!

Л у з г и н (ухмыляясь, смотрит на ладонь свою, бормочет). Тут – на всё хватит... на всех! (Сжал руку в кулак, трясёт им, кричит.) Сына родного можно... как Авраам Исаака... убить можно... Христа продали на серебро, а это – золото... Зо-ло-то! Вот вам! (Наташе.) Тебе – первой! Бери! (Поёт.) "И будешь ты царицей мир-ра"...

(Наташа отступает от него.)

Л у з г и н (кричит). Сына родного – ради тебя...

С т о г о в (подошёл к Лузгину). Дайте взглянуть...

Л у з г и н. Нет, не тебе...

С т о г о в (легко разжал его кулак, взглянул на монету, – Наташе, усмехаясь). Фальшивая. Он хорошо сошёл с ума.

Л у з г и н (бьёт его кулаком по плечу). Отдай! Я не сошёл с ума...

С т о г о в (отдал монету). Слушайте, – вам нездоровится?

Л у з г и н. Ты сам, – вы все сошли с ума!

С т о г о в. Это – наследство, да? Всё – тут?

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Л у з г и н. Не тебе! Пошёл прочь! Выгнать его!

Я к о в л е в (полуодетый, растрёпанный, пьян). Что же - будет мне покой, а?

Н а т а ш а (Лузгину). Послушайте... Вам нужно...

Л у з г и н. Мне ничего не нужно! Всё - ваше! Где мой сын? Муж твой где? Где - совесть? (Хочет броситься на Наташу, Стогов схватил его.)

С т о г о в. Пошлите за доктором...

Я к о в л е в (кричит). Вон - все!

Л у з г и н (борется со Стоговым, вырвался, бежит, увидел себя в зеркале, остановился, громко шепчет, указывая на своё отражение). Вот, вот он... Держите его... ловите... он меня всю жизнь... держите...

С т о г о в (снова схватил его, несёт на диван). Доктора надо... Дайте полотенцев... Надо связать его...

(Наташа бросилась к буфету, выкидывает полотенца. Клавдия подбирает их, бросает Стогову. Ефимов тихо объясняет происшедшее Яковлеву. Глинкин старается помочь Стогову вязать Лузгина, но тот уже лежит спокойно.)

Я к о в л е в (подошёл к дивану, бессмысленно смотрит, спрашивает). Кто здесь распоряжается? Чёрт распоряжается, а? Чёрт?

И в а н о в (вошёл очень возбуждённый, идёт солдатским шагом к Яковлеву). Послушайте... я пришёл... должен сказать вам... (Смотрит в бессмысленное одноглазое лицо, махнул рукой.)

Я к о в л е в (смеётся). Ещё - погоди! Ещё - кто - кого!

Н а т а ш а (подбежала к Иванову). Что случилось?... Ну, скорей... Полина?

И в а н о в (развёл руками). Бросилась под товарный поезд.

Н а т а ш а. Нет!

С т о г о в. На... насмерть?

(Клавдия плачет. Глинкин сидит на диване в ногах Лузгина, открыв рот.)

Я к о в л е в (подходя к Иванову, указывая на Стогова). Ар-рестуй его... Я отвечаю!

Н а т а ш а. Господи! Что ж это?

(Иванов шёпотом говорит что-то Клавдии. Ефимов, сидя у стола, смотрит на всех непонимающим взглядом. Все молчат несколько секунд. Стогов идёт к двери в кухню.)

Н а т а ш а (схватила его за руку). Стойте! Куда - вы?

(Стогов остановился. Лузгин приподнялся, сел. Глинкин отскочил от него.)

Л у з г и н (глядя на свои связанные полотенцем руки, потом на всех, спрашивает). А того - мерзавца, поймали? Врага моего - поймали? Зачем вы мне связали руки, мне?

И в а н о в (Наташе). Он сошёл с ума?

(Наташа развязывает руки Лузгина. Стогов - рядом с нею, напряжённо следит за Лузгиным.)

Л у з г и н (размахивая руками, посмеиваясь). Ага, поняли? Вот... (Роется в кармане, вынул медную монету, протягивает Наташе.) Извольте - тут всё!

Фальшивая монета. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Г л и н к и н (Ефимову). Кажется – пяточок?

Л у з г и н. Весь мир – да! Весь мирище, – звёзды, ордена, моря и пароходы, и весь базар! (Поёт.) "И будешь ты царицей ми-ра-а"...

(Наташа вопросительно смотрит на Стогова.)

С т о г о в (не веря, саркастически). Вы, Лузгин, слишком умно сошли с ума, вы плохо притворяетесь...

Л у з г и н (смотрит на него очень пристально, несколько секунд молчит. И все ожидающе молчат. Лузгин легонько оттолкнул Стогова). Нет, это не ты... не тот! Уйди! (Снова сует монету Наташе.) Что же, бери, ну? Съела сына моего? На... Тут всё! (Зажав монету в кулак, высоко взмахивает руку.) Весь мирище – тебе! Я – не Лермонтов, не Демон, не шучу – нет... (Кричит всё громче.) Нет! Нет!

Е ф и м о в. А ведь, пожалуй, это я его свёл с ума...

Л у з г и н (указывая на зеркало). Тут был человек... он давно ходит за мной, он изуродовал всю мою жизнь. (Повышая голос.) Сына оторвал от меня... Женщину. Был фальшив, как бес. Притворялся, что знает несокрушимые законы. Он – правду оболгал... Он оболгал всю правду!

Занавес

1913 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!